

Крестьянка

11'89

Кажется иногда:
некому руку подать,
некому
порадоваться.
Никто не живет
ради тебя, значит,
и самой как-то
не обязательно...
Но так же быть
не может! Никогда!

И никаких
исключений
из этого правила
нет. И не верьте
тем, кто будет
приводить вам
примеры. Значит,
просто не нашли,
не увидели,
не захотели увидеть
это сердце,
которое бьется
только для вас,
и, как земля
притяжением,
держит
на орбите жизни.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Крестьянка

11'89

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
КОМИТЕТА СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН
И ВСЕСОЮЗНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.
ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА.
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

С обостренным вниманием вглядываемся мы в лица народных депутатов, вслушиваемся в их речи. А вдруг и сейчас, как в прежние времена, есть возможность «отсидеться» за спинами других, стать безмолвным исполнителем? Вот с этого вопроса и началась наша беседа с Умтул ОРОЗОВОЙ, членом Верховного Совета СССР.

— Иными словами, может ли свить гнездо в новом составе Совета беспринципность? — переспросила Умтул Шейшеевна. — По-моему, все зависит от человека, его нравственной позиции. Я, например, не могу позволить себе быть сегодня индифферентной.

Я председатель Киргизского республиканского совета женщин, избрана народным депутатом от Комитета советских женщин, членом которого являюсь. И, естественно, мой долг — отстаивать интересы женщин. Но руководит мною не только долг: поверьте, душа болит за наших тружениц, особенно занятых изнурительной крестьянской работой.

Смотрите, что получается. Издаётся правильный закон о запрещении труда женщин и детей в табаководстве. И в то же время внедряется в этой отрасли семейный подряд. Прогрессивная, современная форма труда, не так ли? Да только в данном случае совершенствование хозяйственного механизма вступает в противоречие с гуманностью: выйдут обрабатывать та-

бак те, кому это категорически запрещено. Он ведь выделяет вещества, губительно действующие на нежный организм девушек, женщин, развивает бесплодие или способствует рождению больных детей. И никого, представьте, это не волнует — ни людей, облеченных властью, ни супругов, отцов, братьев, которые в погоне за рублем (а табак — прибыльная, выгодная культура) не жалеют своих близких. Считаю, что нужно запретить семейный подряд в табаководстве, и буду добиваться этого в меру моих сил. А возьмите женщин — чабанов, доярок, животноводов. Механизации нет, им придется пасти скот и в сорокаградусную жару, и в зимнюю стужу, далеко в горах. Учтите стихийные бедствия: то засухи, то наводнения. Бесконечная работа на производстве и дома, а в результате — рождение больных детей, существование на чае и лепешке — разве подобная женская доля еще редкость сегодня? Одни смиряются с этим средневековым укладом, а есть и такие, которые решают уйти из жизни. С какой болью среднеазиатские женщины рассказывают об этом.

— Надо полагать, говоря «среднеазиатские», вы имеете в виду не только киргизских крестьянок?

— Да, это характерно и для Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, где потрясают сознание случаи самоубийств, самосожжений женщин, девушек. Мы обязаны исключить причины, приводящие к та-

ким трагическим последствиям.

А ведь реально уже сейчас дать возмож-

ального развития, для облегчения женского труда. Станет женщине работать легче — и мо-

работать программу «Экология. Женщины. Дети». Создать по проблемам региона ассоциа-

Умтул Шейшеевна Орозова — председатель Государственного комитета Киргизской ССР по телевидению и радиовещанию.

ность хотя бы женщинам-чабанам уходить на пенсию в возрасте 45 лет за счет хозяйств, в которых они работают. Выйдя на пенсию, они могли бы приносить тому же хозяйству немалую пользу на более легкой работе. Кстати, члены Верховного Совета СССР от среднеазиатских республик наряду с другими вопросами уже внесли на обсуждение сессии это предложение. Дано поручение правительству изучить возможности и доложить о них депутатам.

Тем не менее главное для руководителей, советов трудовых коллективов, профкомов не ждать, когда спустят правильное решение сверху, необходимо самим изыскивать внутренние резервы, может быть, из фондов соци-

лодежь пойдет крестьянствовать. Кстати, об этих проблемах мы открыто и горячо говорили на региональной встрече в Чолпон-Ате.

— Расскажите подробнее...

— Накануне выборов в народные депутаты СССР у берегов Иссык-Куля состоялась встреча кандидатов в депутаты, выдвинутых от женских общественных организаций республик Средней Азии и Казахстана, объединяемых Комитетом советских женщин. В ней участвовали и представители Иссык-Кульской области. Там мы решили раз-

цию, с помощью которой установить регулярные контакты с женской общественностью республик Средней Азии и Казахстана.

— Умтул Шейшеевна, но ведь эти же задачи стоят перед всеми нами независимо от национальной принадлежности и места проживания. В нашей центральной печати прямо говорится, что проблема женского труда становится кричащей. Вручную, без применения механизмов работают 4,2 миллиона тружениц, из них около 300 тысяч заняты тяжелым физическим трудом — поднимают тяжести свыше 10 килограммов и переносят за смену бо-

МАННЫ

Мы много говорим о том, какую трудную ношу приходится нести сегодня женщине. Улучшение условий ее труда и быта остается проблемой. В чем дело? Объективные обстоятельства? Или это душевная глухота?

— Женщины сами должны отстаивать свои права,— считает Умтул Орозова.— А для этого надо приобретать опыт работы, полезного общения, надо знать все проблемы нелегкой жизни современницы.

лее 7 тонн грузов. Да вот вопрос — все ли учтено в этих цифрах? Как вы считаете — что прежде всего способствует такому плачевному положению: техническая отсталость различных отраслей, экономические трудности, порочная традиционность в пренебрежительном отношении к женщине, ее месту в обществе или еще какие-то причины?

— Все названные вами моменты, конечно, важны. Но я бы выделила главное. Это скудость общей нравственности, духовности, культуры. В этом смысле мне очень близко выступление на Съезде академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Годами насаждавшаяся неправильная ориентация на то,

что человек — винтик в огромном механизме, что природа — данность, от которой нужно только брать, забвение норм гуманности, милосердия привели просто к катастрофическим явлениям в экологии, медицине, в социальной, правовой, нравственной сферах. Отсюда же отношение к женщине...

Я силюсь и не могу понять, как может мужчина-руководитель допустить, чтобы в его ведомстве женщина вручную копала землю, таскала тяжелые носилки и так далее? Как он не сгорает от стыда за столь несовершенное производство? Уверена, что лишен он не только таких качеств, как благородство, мужествен-

ность, но у него отсутствуют те нравственные устои, которыми руководствуется цивилизованный мужчина по отношению к слабому полу. Отсутствует и профессиональная гордость, а значит, не соответствует он своему служебному положению, никудышный он хозяйственник. Будь иначе — сделал бы все, чтобы изменить технологию, поставить современные механизмы, вывести хозяйство из допотопного состояния. Не хватает средств? Но ведь есть институты, на предприятиях в конце концов есть сотни толковых инженеров, рабочих, которые могли бы усовершенствовать условия труда. И не за большие деньги. Но получают ли они индивидуальные, конкретные социальные заказы? Разве что единицы. А в основном и сегодня все ждут решений сверху, дополнительных дотаций как манны небесной. Разве в Верховном Совете или Совете Министров должны думать о том, что в данном колхозе или совхозе нет транспортера, автопилки или автопогрузчика? Конечно, нет. Но на местах сплошь и рядом привыкли, притерпелись к позорному положению и даже уже не стремятся жить иначе. А в результате продолжают эксплуатироваться такие прекрасные женские качества, как терпение, стремление принести в дом лишнюю заработанную копейку, взять на себя ношу потяжелее, нежелание, а иногда и боязнь конфликтов, неумение требовать даже положенное по закону. И поэтому я не боюсь повториться: нации, которые забывают, что с женщин начинается народ, не имеют исторической перспективы. Потому что с проблемой женского психологического и социального комфорта связаны демография, воспитание физически и духовно здорового поколения, укрепление семьи и общий морально-нравственный климат.

— Но неужели, Умтул

Шейшеевна, нынешняя ситуация в ряде союзных республик, автономий не свидетельствует о возрастании национального самосознания, о стремлении совершенствовать культуру, традиции своего народа и, следовательно, об их направленности на духовное самоочищение?

— Прежде всего должна четко высказать свою позицию. Кровавые столкновения, происшедшие в ряде регионов, решительно не имеют ничего общего с возрождением самосознания наций. Люди, которые причиняют страдания, несут зло, — преступники. Вольные или невольные, обманутые или обманщики, но преступники.

Можно только приветствовать желание глубже познать культуру своего народа, его традиции, сохранить и приумножить его духовную сокровищницу, что, естественно, невозможно без основательного, объемного знания родного языка, произведений литературы национальных писателей. Для этого считаю обязательным изучение языка народа данной республики в школах.

Но, видите ли, те, кто хочет замкнуться в национальных рамках, кто провозглашает лозунги полного отмежевания от русского языка, плохие сыновья своего народа. Почему? Да потому, что русская культура, русский язык дают выход на мировую культуру, науку.

— Сейчас нередко можно услышать и прочитать заявления такого рода: народные депутаты от общественных организаций прошли облегченный путь во время выборов. Некоторые сомневаются в целесообразности их выдвижения, особенно заметна критика в адрес депутатов-женщин.

— Абсолютно не согласна ни с тем, ни с другим. Не раз уже говорилось, что общественные организации дали Верховному Совету СССР деятелей науки, культуры, искусства. А разве можно представить без них высший орган вла-

сти? Что же касается критики депутатов-женщин, то здесь я вижу некую, мягко говоря, непродуманность.

Да, наши женщины еще не накопили того опыта государственной работы, который есть у мужчин. Но почему? Хотя бы потому, что очень долгое время создавали условия мужчинам. Брали на себя заботы о семье, воспитание детей, быт. Тяжелый воз тянули и тянут, кто с этим не согласится. А мужчины вместо того, чтобы отплатить тем же, позволяют себе, я бы сказала, неблагодарные и не всегда обоснованные выпады. Ничего, мы очень быстро их догоним! Обиднее слышать и читать заявления подобного рода, высказанные женщинами. Уж они-то должны знать, каких трудов стоит нам встать рядом с мужчинами на одну ступеньку социальной лестницы, тем более на государственном уровне. Здесь, я думаю, есть стремление завоевать сомнительный авторитет среди мужчин.

— Умтул Шейшеевна, вы избраны в Комитет по международным делам. Каковы ваши планы на депутатском поприще?

— Главное, что будет лежать в основе моей личной программы, — развитие добрососедства, взаимопонимания, дружбы между народами. И между народами нашей страны прежде всего. Как хочется, чтобы все мы поняли: только крепко спаянный, наш Союз может сделать жизнь лучше, одухотвореннее, богаче. Любые распри, стремление отделиться, обособиться ослабят мощь государства и, стало быть, сделают беззащитнее каждого отдельного человека. Немало зависит от мудрости женщин, которые должны с материнским молоком передавать своим детям главные заповеди: заветы дружбы, сердечности, интернационализма.

Беседу вела
Тамара ЧЕРНОВА.

Фото Т. МАКЕЕВОЙ.

Римма КАЗАКОВА

* * *

Годы, годы! Вы прошли?
Ну, а может, вы настали?
Неужели соловьи
оттомили, отвистали?

Отблистало столько дней,
но во всем, что мне осталось,
все счастливей, все больней
я люблю любую малость.

Мне что холод, что жара,
что гулянка, что работа...
Помирать уже пора,
а рожать детей охота!

Ах, не ставьте мне в вину
грех прекрасного разлада!
Повернуло на весну!
Ну, а может, так и надо?..

СТРЕЖЕВОЕ

Кружевной и вечный, как утес,
далеко остался город Томск.
Прилетела. Тихо огляделась.
Словно на посту сторожевом,
высоки деревья в Стрежевом.
Я для них никто.

И в этом прелесть.

Прелесть в том,
что в цепкой суете
нас терзают те, кому мы — те,
кто зовется самым в жизни близким.
Я полетом душу тряхану.
От любви проклятой отдохну!
Я простором обопьюсь сибирским.

Ты прими меня, чужая жизнь,
за мою ладошку подержись,
лоб горячий, холода, потрогай.
Я, в своей запутавшись судьбе,
на мгновенье прислонюсь к тебе.
Даже это будет мне подмогой.

Потому что, мимо проскользая,
зла друг другу причинить нельзя.
Отдышусь — и что-то вновь забрезжит.
И, быть может, грешную, меня,
нежной, снежной свежестью звеня,
Стрежевое вынесет на стрежень!

* * *

Моя последняя любовь,
заплаканная, нервная,
моя последняя любовь,
ты — первая!

Над пустотой прежних дней
и над ночами жуткими —
звездой единственной моей
над джунглями.

Ты, навсегда и никогда
соединившая загадкой,

Поэтический клуб

гори, гори, моя звезда! —
рассветная,
закатная.

Гори,
даруй светлейший свет.
Он дней моих соцветия
моложе на бесчисность лет
и старше на столетия.

Моя последняя любовь,
и светлая, и черная,
проигранный последний бой,
надежда обреченная.

Моя последняя любовь,
отчаянная, верная!
Моя последняя любовь,
ты — первая!

Ну а потом, что там ни будь, —
не ubyло, а прибыло
и вечно освещает путь:
была, на долю выпала.

УЛЬЯНА

Памяти Ульяны Андреевны Захаровой.

Наше время разве бремя?
У него особый дух.
Наше время — это время
очень развитых старух.

Вот моя Ульяна рьяно
учится так много лет,
каждый день идет Ульяна
в телеуниверситет.

Кое-как она считает,
но в Жильцову влюблена,
Ахмадулину читает,
почитает Шукшина.

Годы культа и застоя
осуждает... Но всегда
сердце доброе, простое
двигало ее года.

Знало боль, имело жалость,
убивалось за других.
Время на таких держалось.
Выдержало на таких.

Нет, не плохо время наше!
Наконец прозрели мы,
что не так копаем, пашем,
чуть не пропили умы.

Раз дошло до нас — отстроим
всё в отечестве своем.
Мы генетику освоим,
кибернетику пойдем.

Наше время превосходно!
И всего прекрасней в нем,
что не завтра, а сегодня
в нашем времени живем.

Я хочу в него вписаться,
я хочу понять его,
ничего не опасаться,
не чураться ничего.

Ну, а если что туманно,
непробойно, как гранит,
мне про все моя Ульяна
так, как надо, объяснит!

ПЕРСПЕКТИВА

Одинокая мать по проспекту плы́т,
модно волосы распустила.
Одинокой душой в перспективе парит.
А к руке одиноко ребенок прилип —
ее истинная перспектива!

* * *

Умер тот, кто обидел однажды —
мимоходом, легко, на бегу,
и возникло подобие жажды:
отплатить, не остаться в долгу.

Только смерть все акценты сместила.
Не могу я о нем не грустить.
Я жалею его, я простила!
...Надо было при жизни простить.

* * *

Зачем влипать друг в друга так упорно?
Я ничего не выпрошу у полдня.
И кто-то озорно, двадцативёсно
меня обскачет, как моторка весла.

О племя отнимальщиц безмятежных!
И вы, как в модных юбочках,
в надеждах,
и, чтобы тем надеждам вашим сбыться,
приходится вам тоже насмерть биться.

О банда отбиральщиц юноликих!
Даю дорогу вашей жадной клике,
хоть мы равны —
пусть парадокс в том явный —
в надежде нашей,
трепетной и главной.

Есть что-то в настоящей сути женской
такое, что, как звонко в мир
ни шеству́й,
как ни победен жизни час весенний,
перед любовью беззащитны все мы.

Мне больше вас известно,
что там после,
уменьем вековым, прозреньем поздним.
И дерзкое в себе задую пламя.
И станут две руки двумя крылами.

Но если вдруг ты тоже из крылатых,
пускай простит нас хоровод хохлаток!
Ты поднят над молвою и виною.
Ты отнят далью, небом, а не мною.

* * *

Шла весна...
Только все перепуталось.
Выпал снег.
Что же делать?
Укуталась
жизнь,
заглохнувши,
в белую шаль.
...Я к тебе не вернусь.

Я отпугалась.
Как мне жаль тебя, милый,
как жаль!

ПОЛЬША, ИЮНЬ 89-го. ДНИ МОРЯ

По запаху море ищу.
Жара! Не Колобжег — Карибы!
По запаху счастья грущу,
а пахнет водою и рыбой.

О вечная женская блажь,
тоскою темнящая душу;
вся жизнь — только фон и пейзаж,
а кто-то — туман и мираж,
но нужен — один! — до удушья.

Зачем мое сердце болит?
Когда, наконец, перестанет?
Давно уже опыт велит
акценты любви переставить.

Люблю этот город чужой,
хожу по нему невидимкой.
Он медленный и небольшой,
с его прибалтийской душой
смурная, моя, невреждена.

Люблю — без тебя, без тебя!
Лишь так вырвусь, выживу, справлюсь,
лишь так, не стелясь, не любя,
а безоговорочно — нравлюсь!

Сама одобряла разбой,
хотя открывалось уже мне:
беда — быть победы рабой,
но — ужас! — рабой поражения.

На что ты меня осудил?
...И все же есть выход: всецело
признаю, что ты победил
строптивые душу и тело.

Но, значит, еще молода,
и жизнь до конца не пропета,
и, может быть, эта беда
совсем не беда, а победа!

Рис. Н. САВЕЛЬЕВОЙ.

ЖАЛЕЛИ МЕНЯ? ТЕПЕРЬ ЗАВИДУ

С речки Катерина вернулась какая-то шальная. Ну, думаю, мало ли что, может, с подругами повздорила. Пошла я бродить по огороду. Чего же тут только нет! Дыни, арбузы, помидоры в два хороших кулака, красный болгарский перец. У подсолнухов головы от тяжести сами отрываются.

— Меня соседний старичок все ругает, — слышу за спиной Катеринин голос. — Говорит: лень тебе, что ли, головки-то тряпичами обвязать, ведь все семечки вороны выклюют. Да пусть клюют, — машет она рукой. — Пропади все пропадом!

Вот тебе раз! Ведь более хлопотливой хозяйки я в жизни не встречала...

В небольшом загончике, обнесенном сеткой, где в деревне обычно держат свиней, у Катерины четыре кутенка и собака. Милка принесла сразу шестерых, всех и оставили: «Не губить же живую душу». Двоих уже забрали, остальные ждут, когда приглянутся кому-нибудь из соседей.

— Когда псарню кормить будем? — кричу с порога.

— Не знаю, — еле слышно отвечает Катерина. — Анатолий не звонил?

И замолкает на полдня. Ходит из дома в огород, туда-обратно, туда-обратно, ничего не делает. И подступаться к ней опасно: эта в плечо плакаться не будет. Телефонного звонка Катерина так и не дождалась. Не приехал Анатолий Кузьмич и на обед. К вечеру она вдруг будто впервые увидела меня, под села на скамейку, заговорила...

* * *

— Утром побежала на речку, искупались, сели посидеть немного с подружкой. Валентина эта вдруг странно так на меня посмотрела: «Послушай, что сказать тебе хочу». Я сразу по голосу поняла, что скажет она что-то для меня нехорошее. Иногда думаю: ну, разве же можно так жить? Все время на взводе, один раз напугали, и что теперь, на всю жизнь? Говорю себе: нельзя судьбу гневить, будешь опасаться каждую минуту, накличешь новую беду. Да

Жизнь наша не очень стабильна. Во все века, наверное, были времена, когда человек впадал в сомнение: что происходит, мир меняется или рухнет? И кто его спасет?

Женщина! — все чаще говорят теперь. И чем спасет, тоже повторяют, как заклинание: любовью, терпением, самопожертвованием. Но как помнить каждый день об этом и о том, что все несчастья в мире происходят из-за равнодушия людей друг к другу? Всего лишь из-за равнодушия. Как построить свою жизнь в соответствии с законами любви, терпения, самопожертвования? И возможно ли это, когда мы просто живем — в делах, в суете, в неожиданных бедах и случайном счастье?

уговаривай себя, не уговаривай, а вот только голос у подруги не понравился, и остыло все внутри. «Слышала я, Кузьмич твой, — говорит Валентина, — опять что-то учудил. С ячменем, что ли... В общем, поговаривают, к осени будет дело».

Опять! Дождалась, думаю, накликала. Неужели все по новой? Не выдержу...

А Валентина смотрит так сочувственно. Навиделась я этих сочувственных глаз. Сколько сил уходило, чтобы виду не подать на улице, улыбнуться каждому, слова какие-то говорить.

Может, потому я за Толю так сильно боюсь, что чувствую: вот стоит ему споткнуться, а люди будут ждать, что упадет. Почему так бывает: люди с удовольствием сочувствуют тем, кто скатился до канавы и больше уже не поднялся. А если сумел выкарабкаться, да еще все хорошо у него, успехи есть, так обязательно ждут чего-то такого. Вот Валентина сказала же: «Опять учудил». Значит, и она помнит...

Господи, а я-то забуду

ли когда-нибудь? Принесли его, пристраивали к забору, как куль, как мешок трухлявый. Аню уложу спать пораньше, свет выключу и стою у окна. Пройдет ли кто, дверка машины хлопнет, все внутри обрывается: он — не он, пьяного ли притащут, а может, придут сказать, что мертвого нашли. Не выдерживала, бежала искать. Побегаю, побегаю по темноте, слез нахлебуюсь и опять к окну.

Приволокут, тихонько повесят на забор и уйдут. Собутыльники, понятно, боятся меня. А если сердобольные прохожие, тоже понятно. Знали все друг друга, вот и стыдно. Они меня стыдятся, я — их. Они убегают, а я жду, когда убегут. Взвалю на себя, тащу, он мычит что-то, грузный, грязный... Откуда же у меня силы брались, терпение?! Доходило до меня, что говорят: «Все. Конец. Из такого пьянства уже не выберется». Даже когда ломали его, крутили, наизнанку выворачивали, все верили — этот выдюжит. А вот когда запил, да еще так, поставили крест.

Нет, я-то долго верила.

Видела же, что сотворили с ним что-то нечеловеческое. В одну неделю исключили из партии, выгнали с работы, вышвырнули из жизни.

А был он значительным человеком. Сам Белов ждал его каждый день ни свет ни заря у себя в кабинете. С другими партийный секретарь не очень-то считался. А уж секретаря райкома комсомола в те времена вообще могли на посылках держать.

Когда же Белов начал брать его в свою компанию? Незаметно как-то. Пропал Толя однажды сразу на три дня. Вернулся отекший: «Был на охоте. Так надо». Потом все чаще: «Встречал гостей. Загоняли лося — надо было в область отправить...»

Белов слабости людей умел понимать, житейски очень хватким был человеком. Для каждого, как я теперь понимаю, у него своя ловушка была. Анатолий ведь думал, что все эти охоты и гулянья не важны. Самое главное — дело. А делом-то они тоже занимались вроде в первую очередь. Но все равно не могла ему такая жизнь быть по нутру. Натура его не приспособлена днем говорить одно, а вечером делать противоположное. Я же его с детства знаю. В соседних деревнях жили, десятилетку одну оканчивали, только он на три года старше. Веселый, заводной, душа нараспашку.

Перед женитьбой мы с ним долго не виделись. Он в армии был, а я уехала поступать в институт. Колхоз дал направление. Вообще-то у меня были наклонности к математике. Даже говорили — способности. Три

экзамена сдала на пятерки, на последний, самый легкий, шла и уже представляла, как в городе жить буду. Размечталась! И вдруг как током меня стукнуло: вспомнила, как отец с матерью, при мне же, планировали скотину продать, чтобы помочь мне выучиться. А как же они-то без скотины протянут?

Пошла и провалила эк-

замен. Домой вернулась, через год поступила на заочное в пединститут, только на филфак. Математику подзабыла, а читала всегда много. Тут Анато-

ЙТЕ!

лий каждый вечер стал на велосипеде прикатывать. Он после армии трактористом пошел, тоже учился заочно. Поженились. А потом избрали его вторым секретарем райкома комсомола, через два года — первым в соседнем районе.

Если бы не Белов... Ребята Анатолия уважали. Умеет он все так завести, что жизнь ключом бьет. Каждую осень весь его актив уезжал на две-три недели на уборку. Как же

весело, хорошо они работали, все же крестьянские дети!

Двери у нас не закрывались. Бывало, устанешь от того, что в доме все время кто-то чужой, начнешь ворчать: «Штаб здесь или двор проходной?» Только потом, когда всех как ветром сдуло, поняла, какие же были хорошие времена.

Потихоньку, помаленьку Белов взял Анатолия в оборот. Сделал его холуем. Противно вспоминать. А каково было Толе понять это? И когда он взбунтовался, я обрадовалась. Сама говорила: «Толя, ни за что не отступай!»

Сынок одного из друзей Белова, десятиклассник, надругался над девчонкой. В суде дело закрыли вроде как за недоказанностью. Но в маленьком райцентре все про всех известно, люди знают, у кого

что на обед, а тут такой случай. Мальчишка еще и похвалялся. Что можно было сделать? Исключили его из комсомола, районное комсомольское бюро утвердило. Анатолий стоял твердо, и ребята его поддержали.

Белов его вызвал, кричал: «Вы что творите, зеленень сопливая!» Велел срочно собрать повторное бюро, прислал своего человека — ребята ни в какую. Потом сам пришел — они и ему не поддались. Такого оборота никто не ожидал — чтобы воспротивиться Белову! Он не одного человека скрутил. Теперь я понимаю, что он был очень властолюбивый, для него счастьем было держать людей в руках, решать их судьбы. Он же постоянно кого-то пригревал, кого-то топил! Гордился тем, что его боятся.

После этой истории

очень быстро направили Анатолия в самый захудалый совхоз. Не успел оглядеться — дернули в другой. Выговоры посыпались, как из решета. Куда Анатолий ни ткнись, везде Белов. Открыто говорил: «Чтоб остальным неповадно было...» Короче говоря, придрались к пустяку, раздули дело и в одну неделю исключили Анатолия из партии, сняли с работы. Тут же судебное решение о выселении со служебной жилплощади.

Утром только отдернул занавеску — милиционер стоит, вроде и не уходил с вечера. Люди мимо дома прямо бегом пробегать стали. У меня на работе мучаются, а говорят: «Катя, пойми, скоро будет нам звонок, лучше сама ищи работу...» Аню, ей тогда только пять лет исполнилось, девать некуда: из садика вернула...

Если бы не второй секретарь обкома партии, совсем плохи были бы наши дела. Он сказал: «Не паникуйте, все будет нормально». И верно. Через три месяца обком восстановил Анатолия в партии. Но мы понимали, что не жить нам здесь. Надо было уезжать, устраиваться где-то. А Анатолий ничего уже не хотел. Опустился, будто жизнь кончилась. Бегала, за него просила, да зря. Потом решила, приехала сюда: все-таки родина, другой район, может, думаю, сюда-то рука Белова не достанет.

Бывший председатель отличной души был человек. Взял Анатолия бригадиром. Сказал — новый участок, сроду овощами всерьез не занимались, у Анатолия диплом, пусть начинает. Выделили нам что-то вроде сараюшки, мы печку на зиму сложи-

ли, так и прожили года два.

Пить Анатолий стал не так сильно, но все же пил. А главное — ничего не хотел. Ходит, будто из него кровь выкачали. Работа не ладится, ругают его на каждой планерке, а ему вроде хоть бы что. «Ну, какой я овощевод? Я этим никогда не занимался!» — кричит на меня. А я на него: «Так займись!» «Я ничего не знаю...»

Как выходной или каникулы — тогда я уже преподавала в школе, — сажусь в поезд — и в область, а то и в Москву, бегаю по книжным магазинам. Натаскала книжек нужных, ненужных — вон все полки забиты. Я в дом с книжками, а он тепленький.

И однажды я поняла, что ненавижу его. Вот когда мне страшно стало. Что же теперь делать, думала. Честно сказать, не его жалела — себя. Так верила в него, а он сломался. И с чего? Что карьера не удалась. Да разве ж нельзя жить без суеты, без надрыва, без того, чтобы куда-то карабкаться? Есть же в нашей жизни какой-то другой, настоящий смысл...

Как жила моя семья? Работали с утра до ночи и умели радоваться тому, что земля дает. Детей растили. Мать всегда повторяла: «Главное, учись отличать добро от зла». Да, только это и может жизни смысл дать — разобраться, где добро, а где зло. Несправедливой была та жизнь его, раз могли в ней человека растоптать. Значит, выйти надо было из нее, самому жить по совести. Разве это не смысл? А он не понимал даже того, что губит меня и дочь.

И решила — брошу. Я с Аней нигде не пропаду. Вот так думала ночами, думала, совсем, было, собралась. Анечка спасла. Как-то смотрю, проснулась она, увидела отца, вскочила с кровати: «Папа, тебе плохо?» — понеслась на кухню за водой, подушку ему под голову подкладывает. И тут что-то в грудь мне стукнуло: да что же я за человек — любить, жалеть

кого-то, кроме себя, могу? Вот ребенок — он любит. Он видит не то, в каком виде сейчас отец, а то, что ему плохо. И помочь старается. А я только брала. Пока было что взять, пока сильным он был. А согнулась спина — и нечего стало брать. Давай, бросай, ищи другую опору...

А что потом с собой делать? С совестью, с душой?

У меня отец был мудрейший человек. Спокойный, улыбочивый. Уж как худо приходилось, а он каждый день проживал с удовольствием. Мать разбушует, она это умела делать. «Настрогал полдеревни, — кричит, — а прокормить не можешь!» Отец только усмехается в бороду и во всем с ней соглашается. Я ему говорю: «Папа, ну скажи ты ей. Ведь не права». «Ну и что? Ей сегодня хочется быть правой».

Я только сейчас начала размышлять: что значит — хочется быть правым? И именно сегодня? Значит, разладилось что-то в душе, потеряна какая-то опора, может быть, вера в себя. Чтобы восстановить эту веру, надо почувствовать себя правым. Неважно, в чем, но именно сейчас, сию минуту! А те, кто рядом, должны это понять, дать тебе такую возможность — быть правым. Потом человек разберется: прав был, не прав, но сегодня ему уступили, тем самым поддержали и, значит, в его разум, совесть верят.

Анатолий веру в себя потерял. Чего я в нем не поняла? Да, жить можно просто. Но это мне. Я так устроена. Я могу целый день с удовольствием крутиться по хозяйству, заниматься с Аней, наслаждаться книгой. А он мужик, он честолюбивый, ему нужно такое дело, чтоб он в нем смог быть первым. Его же взяли и от такого дела отшвырнули. Попробовать вернуться? Нет, ни за что! Значит, нужно найти другое, но такое, чтоб захватило его, чтоб только оно его и занимало. Он же крестьянский парень, он же землю любит.

Думаешь, у меня на уча-

стке все само собой растет? Южное солнышко, думаешь? Здесь же все по науке! Это сейчас я Толины книжки в руки не беру, противны они мне. А раньше все, что находила, сама вначале штудировала. Его участок план года три заваливал. Мне надо было знать, что ему подсунуть. Но насильно взрослого человека, да еще вечером, когда он уже наломается, не засадишь за парту. Никакие мои уловки не помогали.

Так и жили. Не год и не два. И он отчаивался, и я с ним. Он, как мне кажется, все время жил в страхе: не получится все равно, опять выгонят, опять что-нибудь... Зациклился на страхе за себя. Он, наверное, тоже подумывал: я с дочкой не пропаду, мне без него даже легче будет. И знаешь, что я решила? Родить. Помнила же, как он над Анечкой маленькой трясся. Подумала: может, переключу его страх на другую волну?

И еще у меня надежда была. Я ведь все те несколько лет прожила в не любви. Все надеялась — вот пройдет, пройдет. Да не проходило. Думала: да как же я буду жить, неужели до конца дней такая пустота? А когда шевелится в нас кто-то, ведь как бывает? Меняем же мы, любви, нежности, всего прибавляется!

Когда была беременной, заставляла Анатолия со мной гулять. У нас места красивые, когда-то деревня на деревне сидела. Сейчас шесть из двенадцати, что в колхоз входят, пустые. Ходим с ним и вспоминаем. В Малеевке были самые красивые невесты. В Шибаново испокон веку жили мужики-конокрады, на всю Россию тем и славились, почище цыган. А женщины лук выращивали с детскую головку, честное слово. Секрет только они знали и, как бабки наши утверждали, семена заговаривали: чтоб ни у кого, кроме как у них, лук такой не рос. И не рос. В Жданихе — там старообрядцы, вообще народ особый. Что ни деревня, то свой характер, своя порода...

Вот есть у меня такая уверенность, что его наша природа очистила. Он же мальчишкой до седых волос останется. Тогда он как бы заново корни здесь пустил.

Совсем ожил, когда Алешка родился. И убей, не вспомню, когда ему эта бредовая мысль пришла — в аспирантуру поступать. Я-то просто испугалась: ведь знаний кот наплакал, практики мало, опять будет срыв!

Верю я все-таки, есть такой закон, по которому за беду воздается. Поехал он сдавать в заочную аспирантуру. До этого сидел ночами несколько месяцев, занимался. С иностранным вообще было плохо, хотя я с учебником над ним стояла и за завтраком, и за ужином. Сдал все-таки. Но не получилось бы ничего, если бы не старушка профессорша, которая его вела как аспиранта. Мы до сих пор дружим. Понравился он ей своим крестьянским упорством, что ли...

Шесть лет он своего добивался. Я как-то прикинула, сколько страниц ему поправила и на машинке отстучала. Не преувеличиваю — тысяч десять. Старушка же без конца все возвращала! Почеркает красным карандашом, напишет на полях: «Думай!» И все заново. В конце концов он даже открытие сделал, все зарегистрировано, как полагается. И новый сорт редиса вывел. Малеевским его назвал. Говорит: «Чтоб хоть одна наша исчезнувшая деревня в историю вошла».

Профессорша ему все время внушала: чтобы открыть новое, надо усомниться в старом, общеизвестном. А ведь это важно не только в науке. Анатолий, я думаю, так же и на свою жизнь посмотрел. Почему он тогда так отчаялся? Потому что был уверен: та карьера — единственная его дорога. А если нет? Если большего можно добиться в другом?

Когда защитился, профессорша сказала: «Берись за докторскую. Материал есть». Он серьезно подумывал. А я не знала,

плакать мне или смеяться. Опять десять тысяч страниц! Но вообще-то не верила, что это он всерьез. Хозяин в нем к тому времени уже заговорил всю. Планов было много. Председатель его очень ценил, все время советовался. Но Анатолию хотелось своего дела. Куда от природы-то уйдешь?

Предлагали ему соседний совхоз, и не один раз. А он отказывался. «Пить придется, — объяснял мне. — Как наедут, так и пей с ними...» Это правда, такие были времена. Настораживало меня вот что: значит, до сих пор боится, не верит, что устоит.

Когда наш председатель собрался на пенсию, я сказала Анатолию: «Знаешь что, когда идут над пропастью, вниз не смотрят. Ты не над пропастью идешь, а над прошлым. И нечего на него оглядываться».

Пять лет Анатолий председателем. Колхоз помаленьку в гору пошел. Все вроде хорошо. В газетах стали писать, орден ему недавно дали. А думаешь, мне спокойно? Ничуть. Он же авантюрный мужик! Вот приходит, общается: «Будем строить консервный цех, потом комбинат...» Глаза горят. А из каких средств, откуда брать? Вдруг комбинировать начнет, это сейчас у них свободы побольше, а раньше? В тюрьму захотел?

Теперь овощехранилище громадное возводят. Конечно, нужно: сколько добра по дороге в город осенью пропадает. Но опять же со средствами, материалами крутиться... А сколько я недовольств всяких выслушала? Родителей в школу на собрание вызываю, а они о нем говорят. Да вот недавно заявляют мне: «Ты погляди, что твой Кузьмич делает! Полдеревни дачников развел. Все пустые усадьбы городским отдает. Мы раньше на них картошку сажали, коровы, козы там наши паслись, а теперь эти архаровцы хозяйничают. Мы что ему, чужее чужих?»

Спрашиваю: «Толя, может, ты действительно что-то не то делаешь,

люди обижаются». «Я им сто раз говорил, — кричит на меня, — придется еще объяснить. Во-первых, поля под картошку всем в трех шагах от дома отвели — сажай не хочу. А вторых, и в самых главных: пустые стоят усадьбы. Дома давно растащили по бревнышку. И правильно. В них, в таких развалах, никто бы жить уже не стал. А мы этим городским условия поставили: берите усадьбу, но чтоб дом построили, как терем. Чтoб он десяти поколениям тех крестьянских семей, которые сгинули, памятником был. Дальше. Такой дом не менее восьми — десяти тысяч стоит. Значит, денежки не в городе на всякое барахло ухлопаны будут, а на наше село пойдут. Дальше. Селится у нас кто? В основном пенсионеры. Они здесь внуков растить будут. Ребятки-то с малолетства по этой земле бегать будут. Она им родная станет. Как нашим. Вот они вырастут и придут сюда совсем. Они все оценить смогут: и ту жизнь, городскую, и нашу. Они-то и будут настоящими фермерами. Трактора, технику им дадим, землю обрабатывать научим».

— А люди, Кузьмич дорогой, говорят — не научатся и не будут: корень не тот... У меня такие сомнения тоже есть.

Анатолий убежден, что корни есть. Он считает, что эти пенсионеры — те крестьяне или дети тех крестьян, кого в тридцатые годы с земли сняли и в город погнали. Кровь даже теперь свое берет, потому их к земле тянет, потому они рублики свои в нее и вкладывают.

В общем, с Анатолием не соскучишься. Но мы хорошо живем. Он сам собой стал. Ну, то, что я гвозди забиваю, с этим смирилась. Год как переехали в новый дом, а все еще не обустроились. Да мне даже нравится все самой делать. Вот только как от страха избавиться?

С этим ячменем он ничего не чудит. Есть научные разработки, за границей давно такой корм делают, очень хороший. Но

у нас же нужно еще доказать! А пока докажешь?

***

...Анатолий Кузьмич явился домой около одиннадцати вечера. Катерина быстро поставила на стол не один раз подогретый ужин, сама не села — поздно уже! Начала закручивать банки с помидорами.

Кузьмич рассказывал какие-то байки, а сам настороженно поглядывал на жену. Видно, правда затеял что-то рискованное. Да ничего с ним не случится! Этого как жизнь не перевернет, он все равно на ноги встанет. Я о другом думала — а как же Катерина? Что такое она мне подсказала, чего я еще никак не пойму?.. Вот, прошла она через все: и счастье, и беду. Самым страшным для нее, как мне показалось, была собственная ее нелюбовь. Неужели так и живет?

Неправда, что мы можем любить слабых и униженных. Мы их жалеем... Если мужчина, сбитый с ног, сам не хочет подняться — и любовь от него уходит... А каждая ли из нас способна жить только жалостью? Изю дня в день, целую жизнь смотреть на него если не с презрением, то с раздражением... Так что же делать? А вот что. Поднять! Помочь ему достигнуть той высоты, на которую он способен. Хоть жизнь на это положить. Ведь это и твоя жизнь...

Закрутила Катерина свои банки, а заодно, видно, отошла от злости на Кузьмича за то, что промучилась из-за него целый день. Подсела к столу, устроилась напротив мужа. Я уж думала, что так только в кино женщины на мужей смотрят: подбородок рукой подперла, а взглядом, как будто даже лицом всем, обняла его — так смотрит! Не то на любимого, не то на дитя...

Наталья ГРИГОРЬЕВА

Снимок прислал на наш фотоконкурс В. БЕССАРАБОВ.

По адресам «НАДЕЖДЫ»

Чем взрослее становится наша «Надежда», тем разнообразнее письма, приходящие в ее адрес. Если поначалу писали лишь те, кто желает переехать, то теперь солидную часть почты составляют письма от руководителей хозяйств, желающих принять переселенцев.

Конечно, очень нас огорчают письма недовольных, тех, кто воспользовался адресами нашей «Службы надежды», а на месте не нашел понимания и обещанных благ. Таких писем немного, но они есть. Мы знаем о судьбе и тех наших подопечных, которые устроились и работают нормально, хотя сами они пишут редко. Видимо, им не до писем: надо обустроиваться на новом месте. Хотя было бы приятно от них получить весточку.

Почему же не все переезды по адресам «Надежды» удачны? Вот два письма, в которых, как нам кажется, можно найти ответ на этот вопрос.

Галина Пагаева, 29 лет, замужем, трое детей. Приехала в колхоз имени Мичурина Мучкапского района Тамбовской области из города Орджоникидзе Северо-Осетинской АССР:

«...Где хотя бы то, что обещают: новые дома, ссуда, бытовые и культурные условия?»

И вот, прожив в тех условиях, что нам дали, четыре месяца, готова кричать: «Караул, не приезжайте!» Не верьте, в вас не нуждаются. Газовой плиты нет, купили электроплитку. Выписали из колхоза картошку — одна

хорошая, три гнилые, лук... говорить не хочется, весь почти выкинули, мяса не дали, правда, гречки отвесили. Ходила автолавка, возила хлеб да ненужные тряпки. Ездим в Уварово за продуктами, на базаре все дорого, но детям что-то надо покупать. Зимой, со слов сельчан, нас заметать будет. Дети в школу и обратно ходят пешком».

Редакция обратилась в Агропромышленный комитет Тамбовской области. Вот что нам сообщил председатель комитета Н. И. Пономарев:

«Испытывая нехватку кадров, правление колхоза имени Мичурина обратилось с письмом в «Службу надежды» журнала «Крестьянка». В нем сообщалось, что колхозу требуются доярки, механизаторы, шоферы.

Желающих приехать в колхоз оказалось много. Из разных регионов страны поступило более трех тысяч писем и телеграмм. Правление колхоза не смогло удовлетворить просьбы всех желающих, но пятнадцать вновь прибывших семей сейчас трудятся в колхозе. Приехавшие обеспечены жильем, им оказывается помощь в приобретении скота, многие на своих подворьях держат коров, свиней, обзаводятся птицей.

Пагаева Галина с мужем и тремя детьми приехала в колхоз имени Мичурина в июне прошлого года без предварительного согласования. Несмотря на это, правление колхоза нашло возможность и предоставило семье т. Пагаевой трехкомнатную, благоустроенную (применительно к данной местности) квартиру с паровым отоплением. Помогли с продуктами: выписали необходимое на первое время количество картофеля, мяса, гречки. Выделили 500 рублей на хозяйственное обзаведение с рассрочкой погашения указанной суммы, а также транспорт для доставки

контейнера с багажом. Обеспечили углем.

Учитывая, что в семье Пагаевых трое детей, правление колхоза имени Мичурина рассмотрит возможность возмещения ей расходов, связанных с переездом.

Другие семьи, переехавшие в колхоз, претензий не имеют, условиями жизни и работой удовлетворены».

Ольга Фофанова приехала с мамой и маленькой дочерью из Ленинграда в колхоз имени А. Невского Солецкого района Новгородской области:

«Если помните, я обратилась в журнал в сентябре 1988 года. И вот с апреля 1989 года я уже в колхозе имени А. Невского. Взяла с собой маму, потому что дочь не с кем дома оставлять, в детский сад берут с трех лет.

Нам здесь очень нравится. Дали отдельный домик, работать пойду куда предложат, жаль, что нет мест в животноводстве.

Вот решила рассказать вам о своем житье. Конечно, не обошлось без трудностей. Хотя все это мелочи. Нужно было набраться терпения, и немало, пока обустроились. Газовый баллон привезли, плиты нет. Такие вот житейские неурядицы. Приходилось бегать, просить, напоминать. Лучше, когда руководители хозяйств умеют предусмотреть все. Но мы понимаем, им тоже нелегко. В главном мы устроились хорошо и всем довольны».

Эти истории для тех, кто еще только собирает-ся воспользоваться новыми адресами «Надежды». Взвесьте реально свои возможности, познакомьтесь с хозяйством, в которое намерены перебраться, и уж, если решитесь, будьте терпеливее. Да, бывает, руководители не выполняют обещаний. Или выполняют не сразу. Но ведь причины на то могут быть разными... Нужно считаться и с этим.

А ТЕПЕРЬ, КАК ОБЫЧНО,— НОВЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Совхоз «Раненбургский» расположен на границе с Рязанской и Тамбовской областями. Центральная усадьба находится в двух километрах от райцентра, автобусной и железнодорожной станций. Условия работы и быта, как сообщила дирекция совхоза, нормальные. Есть детский сад, школа-десятилетка, магазин, столовая, медпункт, почтовое отделение. В этом году начали газификацию квартир природным газом.

Хозяйство заключает договоры на арендные формы работы по выращиванию свиней. Обещают всех обеспечить жильем, выделить скот для личного хозяйства.

Есть работа и для рабочих других специальностей.

АДРЕС СОВХОЗА «РАНЕБУРГСКИЙ»: 399921, ЛИПЕЦКАЯ ОБЛАСТЬ, ЧАПЛЫГИНСКИЙ РАЙОН, пос. РОЩИНСКИЙ.

Ольга Терехова из Черкасской области хочет переехать на Север или в Сибирь, в сельскую местность, где нужен повар, согласна и на другую работу. Мы как раз получили такие письма:

«Сибирь приглашает ребят и девчат на работу. Места у нас живописные. Парни скромные, девчата самые красивые. Совхоз новый, еще только строится. Квартиры есть, специалисты нужны разные: инженеры, повара, медицинские работники, няни, бухгалтеры, газосварщики, кузнецы, учителя, животноводы.

Приезжайте, народ у нас гостеприимный, веселый.

НАШ АДРЕС: 632513, НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ, УБИНСКИЙ РАЙОН, с. ВТОРАЯ НИКОЛАЕВКА.

К тем, кто желает поехать в Сибирь, обращается предприятие Юго-Восточные электрические сети. Предприятие имеет подсобное хозяйство в селе Успенка, экологически чистом районе, где ягодные, грибные, покосные места, охотничьи угодья в тайге. Предлагается семейный подряд по выращиванию 300 голов свиней.

Для жилья предоставляются дома с приусадебным участком, надворными постройками. Ведутся работы по благоустройству домов (электроотопление, горячая и холодная вода).

ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ: 663560, КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ, РЫБИНСКИЙ РАЙОН, г. ЗАОЗЕРНЫЙ, ул. ЧКАЛОВА, 29, ЮВЭС.

Юрьянский район Кировской области находится в 60 километрах от областного центра. Два года назад через район прошла республиканская трасса Киров — Сыктывкар, началось строительство дорог с асфальтированным покрытием до хозяйств района.

Район является историческим центром, с памятниками древнего зодчества. Хорошие природные условия: леса, реки. Хозяйства района нуждаются в специалистах, механизаторах, животноводах. Переехавшим будут предоставлены квартиры.

ПЕРЕГОВОРЫ ВЕСТИ ПО АДРЕСУ: 613630, КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЮРЬЯНСКИЙ РАЙОН, пос. ЮРЬЯ, ул. ЛЕНИНА, 46, РАПО. ТЕЛЕФОН 1-11-90, 1-13-44.

Ободрить женщину добрым словом, доставить радость, защитить, помочь добиться справедливости — в этом видим мы задачу журнала. И читатели всегда поддерживают «Крестьянку». Но вот слово журнала укрепляется делом. Новым для нас и крайне, как мы думаем, необходимым для женщин. Снова надеемся на доброе сердце и отзывчивость своих читателей.

БОЛЬ, БОЛЬ, БОЛЬ — ВОТ ЧТО ТАКОЕ ПИСЬМА КРЕСТЬЯНОК В «КРЕСТЬЯНКУ». Боль за скудеющую землю, за детей, вынужденных отправляться в город, за соседскую одинокую старость, за мужчин, дичающих без женского присмотра, за старинные песни — забываются, некому петь... Разными почерками повторяется единственная настойчивая просьба: «Помогите нашей деревне!» И редко, вскользь — о собственной тяжелой работе, невыносимых нагрузках, подорванном здоровье. Извечное, неистребимое, женское: о себе не помнить, только о родном, о родных.

А помогать-то в первую очередь нужно ей, труженице, матери, хозяйке. Той, на которой деревня держится, накрепко, насмерть привязанной любовью к небогатому своему дому, терпеливой, совестливой, уставшей.

Боль за нее, согласную еще терпеть и ждать, двигала учредителями нашего благотворительно-попечительского Фонда «Крестьянка». **КРОМЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА, УЧРЕДИТЕЛЯМИ ФОНДА СТАЛИ КОМИТЕТ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПРОФСОЮЗА РАБОТНИКОВ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА, СОЮЗ СОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ ДРУЖБЫ И КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ, МПО «КВАНТЭМП», МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ СССР, МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ, МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СССР И РСФСР, ГОСАГРОПРОМЫ РСФСР И НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ РСФСР, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВЛКСМ. УСТРОИТЕЛИ ФОНДА «КРЕСТЬЯНКА» СЧИТАЮТ СВОИМ НРАВСТВЕННЫМ ДОЛГОМ ОБЪЕДИНЕНИЕ УСИЛИЙ ВСЕХ, КТО ГОТОВ ПОМОЧЬ ИЗМЕНИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ТРУЖЕНИЦ, КТО ЗАИНТЕРЕСОВАН В ВОЗРОЖДЕНИИ ДЕРЕВНИ, В СОХРАНЕНИИ ЕЕ ТРАДИЦИЙ, КРЕСТЬЯНСКОГО ГЕНОФОНДА.**

Наша инициативная группа побывала в разных организациях и на предприятиях, встретила со многими деловыми людьми у нас в стране и с зарубежными предпринимателями и убедилась, что идеи Фонда находят отклик и наверняка будут поддержаны материально и практически. Мы обязательно вам расскажем о первых своих дарителях и помощниках, о том, как и на что будут израсходованы первые суммы. Пока скажем лишь, что журнал «Крестьянка» со своей «Службой надежды» чувствует ответственность за семьи, выбравшие деревню местом жительства. Так, в Старицкий район Калининской области по нашему приглашению переехали более полутора тысяч человек: уже сыграны первые свадьбы, у наших новоселов родились 480 малышей. Трудновато людям на новом месте, надо помочь.

Свою деятельность Фонд «Крестьянка» будет вести по трем главным направлениям. **ПЕРВОЕ:** Фонд способствует облегчению труда сельских женщин, внедрению щадящих технологий, механизации трудоемких и вредных для здоровья женщин процессов, созданию удобных режимов работы, новых форм организации труда. **ВТОРОЕ:** у сельской семьи жилищно-бытовые условия должны быть никак не хуже городских. Ведь знаем же, что именно эти условия делают невыносимой жизнь крестьянок, сельских врачей, учителей, работников культуры. Наши доярки, механизаторы, полеводы — они вроде ко всему привычные, но сколько же можно испытывать их силы и терпение! Фонд намерен основательно заняться этой проблемой. **И ТРЕТЬЕ:** создание условий для сохранения здоровья сельской женщины и ее детей, возможностей для гармоничного развития.

Боль за своих подопечных заставляет нас, не откладывая ни на день, начать практическую работу-помощь. Станет чуть полегче сельской женщине — облегченно вздохнет деревня. Будет труд наших хозяек эффективным и посильным — скорее накормим страну.

ФОНД

«КРЕСТЬЯНКА»

Счет № 700405

**Акционерный
коммерческий банк
межотраслевой
интеграции
МФО 806011,
г. Москва.**

**ФОНД
«КРЕСТЬЯНКА»**
надеется на оперативную и конкретную помощь всех, кто заинтересован в достижении его целей. Формы нашего сотрудничества самые разные. Мы сообщили счет, по которому организации, предприятия и граждане могут перечислить деньги. Возможно, трудовые коллективы горожан, кооперативы сумеют и захотят помочь в оборудовании больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, детских садов, роддомов, домов престарелых. Большие надежды на техническую интеллигенцию, экономистов, юристов, на студентов: ваши изобретения, разработки, рекомендации и консультации так необходимы нашим подопечным. Ни одно доброе дело не останется незамеченным. Мы с охотой расскажем о коллективах, где уже сейчас, сегодня озабочены положением сельской женщины и стараются облегчить ее жизнь. Фонд «Крестьянка», журнал «Крестьянка» полагаются на благородство деловых мужчин — наших партнеров. Ведь и эти мужчины, от министра до колхозного председателя, тоже чьи-то сыновья, мужья, отцы, братья.

Фото Ю. ЛУНЬКОВА.

Телефон для справок:
251-69-75.

Была нелётная

Все меньше остается на свете мест, где животные и птицы чувствуют себя привольно, где реки несут чистые воды и бесстрашно поднимают головы цветы. Заповедные эти края нынче наперечет. Еще недавно таким местом были знаменитые на весь мир Командорские острова...

В детстве каждому хочется попасть на край света. Палец скользит по карте, с легкостью минуя не задевающие воображение низменности и бледно-бежевые возвышенности. Хочется туда, где самая синяя глубина, самая высокая высота, самая далекая от дома крохотная точка на карте! Выбрав профессию фотокорреспондента, я со временем поняла, что все мои детские «географические» мечты перекечевали со мной во взрослую жизнь. Изъездив полстраны, я больше чем когда-нибудь хотела попасть на край света.

И вот мечта сбылась! Сначала оказываешься на краю материка, где с ровным шумом бьются о берег длинные океанские волны, потом долго летишь на самолете — и ты на Командорских островах. Дикий океанский берег. Лежбище котиков.

Этот уморительный, беспомощный на суше и проворный в воде зверек — большая редкость. Здесь от котиков черно в глазах. Но первое, чему поражаешься, еще не успев поднять фотокамеру, — это щедрости природы. Неужто такое возможно? Котики лениво шлепают лапами по берегу, скалы взрываются от гомона птичьих стай, рыба нерестится в ручье.

Поначалу, кроме этой красоты, необычности, захватывающей дух первозданности, ничего не видишь. Только и заботишься о том, как бы поймать в объектив удивленный глаз баклана, не упустить света, каким окрашивается океан, когда в него садится

малиновое солнце... Наверное, я улетела бы на материк с чувством гордости за этот далекий край. Но случилось так, что на Командоры упал туман.

Три дня нелётной погоды — мне ничего не оставалось, как бродить по острову, по сопкам, по кромке океана, по берегам тех самых ручьев, где нерестится красная рыба. И то, во что невольно упирался глаз, потрясало не меньше, чем уникальные природные богатства острова. Резиновые колеса и шланги, битые стекла, окаменевший цемент, остовы всевозможных механизмов, бочки с остатками нефти, непарные ботинки, мотки проволоки, клеенка, бревна, целлофан, веревки... Словом, все, что можно найти на очень богатой свалке.

Весь этот хлам не был брошен на остров по случайности океанскими волнами. Это результат нашей жизнедеятельности, нашей привычки к благам цивилизации, к удобствам, теплу, скорости. Самое странное заключается в том, что на Командорах нет какого-то страшного с экологической точки зрения предприятия, за которое горой бы стояло столичное министерство... Нет, это замусоривание острова совершалось и совершается мало-помалу. Свою лепту, как узнала я у местных, вносит зверозавод, свою — ферма, чьи коровы съели зеленые сопки, превратив их в песчаные холмы, свою — приезжие гости...

А что же местные жители? Водители вездеходов оставляют на

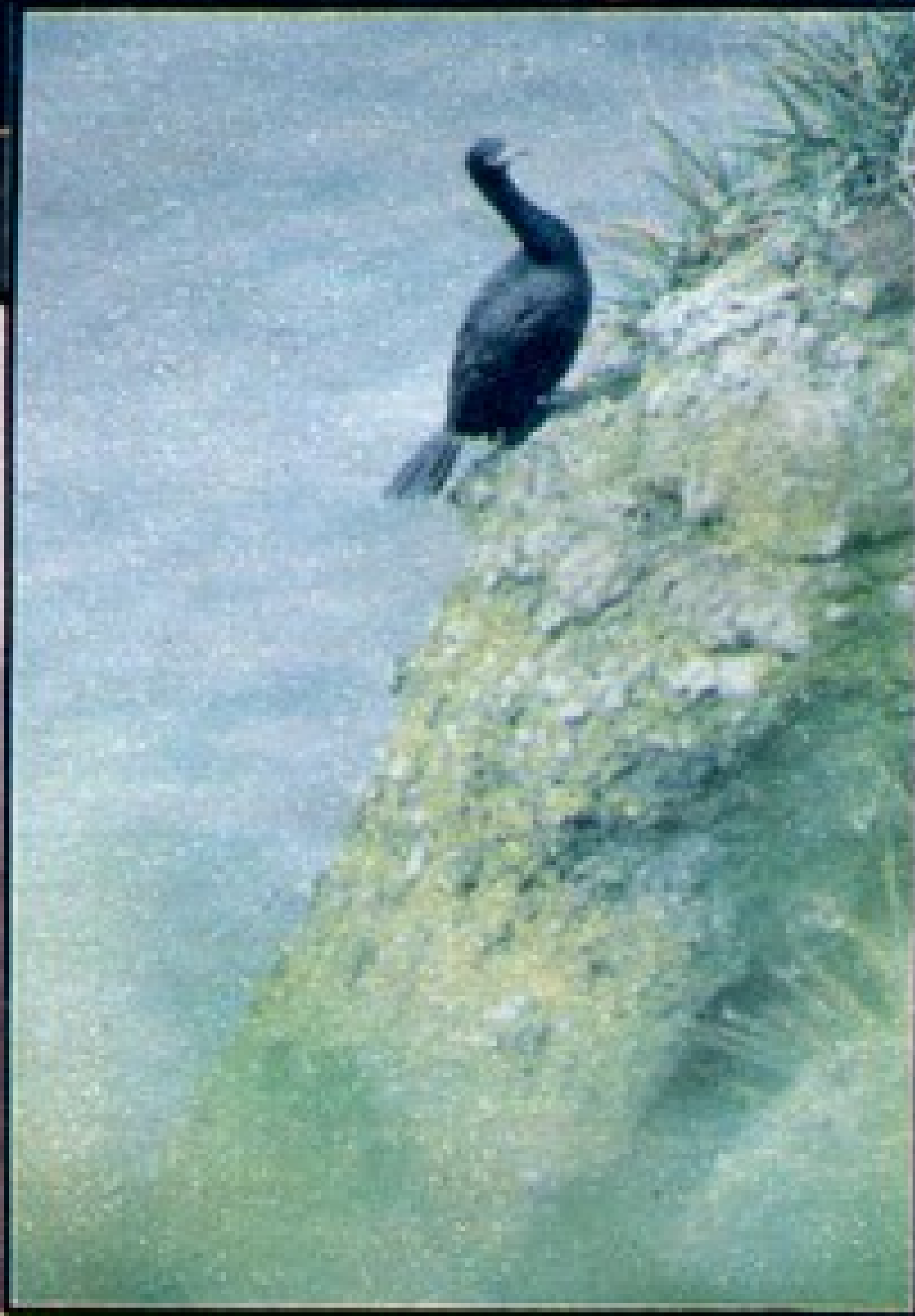

погода...

цветущих лугах смертельные раны. Любители пикников разбрасывают на диком берегу консервные банки и бутылки. Хозяйки не доносят мусор до специально вырытых ям. А потом собираются на сходы, говорят о том, что острову грозит катастрофа, начальство с ними соглашается, местная газета бьет во все колокола... А горы мусора продолжают громоздиться.

Можно сколько угодно возмущаться, разводить в растерянности руками или призывать всех

и каждого беречь природу. Все уже было. Ни то, ни другое, ни третье пока не возымело действия. Что же делать? Не знаю... Но неужто наши дети и внуки, в свой черед собравшиеся на край света, не увидят там ничего, кроме вселенской свалки?..

Татьяна
МАКЕЕВА
Фото автора.

Владимир БОРИСОВ,
мастер
машинного доения
совхоза
«Новгородский»
Новгородской области:

Я „БОЛЕЮ“ ЗА

В последний месяц осени мы отмечаем профессиональный праздник тружеников села и с особым почтением благодарим наших женщин-крестьянок. Счастья вам, дорогие, и здоровья!

Говорили мне ребята: «Ох, Володька, неспроста зачистил ты на конкурсы доярок. Поди присмотрел там кого...» Я отшучивался. А на самом деле было так: на республиканском конкурсе мастеров машинного доения победа мне не улыбнулась, и решил я простым болельщиком поехать на всесоюзный — на работу «асов» полюбоваться.

Сидел на трибунах, болел за свою команду. Радовался, что в ней так много парней — 13 человек из 20, — приятно было это для моего мужского самолюбия.

Ребята работали споро, технически грамотно. Тон задавал Владислав Изгибаиров из Челябинской области. В каждом движении отличная школа чувствовалась. Это и понятно! Именно в его

родном госплемзаводе «Россия» Сосновского района образовался как бы центр по подготовке мастеров машинного доения. Создана эта «школа чемпионов» без всякого приказа сверху. Просто пришли в животноводство талантливые Виталий Зенковский и Сергей Родин — дояр и инженер — и возвели профессию в ранг доселе невиданный. Зенковский — победитель многих профессиональных конкурсов. Он свердловчанин. Поехал как-то в деревню к теще и... прощай, городская жизнь. Увлёкся, стал серьезным профессионалом. Сначала сам коров доил всем на удивление, потом других учить стал. Теперь он инструктор, помогает тренировать команду России. Никого не удивило, что именно его питомец Владислав

Изгибаиров стал в нынешнем году абсолютным чемпионом России и Союза.

Я сразу заметил этого шустрого парнишку. Вот подходит его очередь, судьи дают команду начинать. Все стараются быстрее аппараты подключить. А он, представьте, не торопится. Сначала оценил, у какой коровы молоко подошло, в таком порядке и стал работать. И надоил-таки больше всех! Ну, конечно, не одни парни отличились. До чего же приятно было смотреть, как работают Валентина Какоткина из Липецкой области и Лена Андреева из Ленинградской. А из «Тандеме» не было равных Нийоле Жальпене из Литовской ССР. Но тем не менее я согласен с Зенковским, который говорит: «Нужно, чтобы

побольше было в животноводстве парней, мастеров на все руки, кому и корову подоить, и аппарат починить, и на трактор сесть — не задача». Только я думаю: если фермы будут механизированы, почему бы женщинам там не работать? Нужно всячески облегчать труд в животноводстве, ну а пока он остается тяжелым, преимущественно ручным, как можно больше брать на свои, мужские плечи.

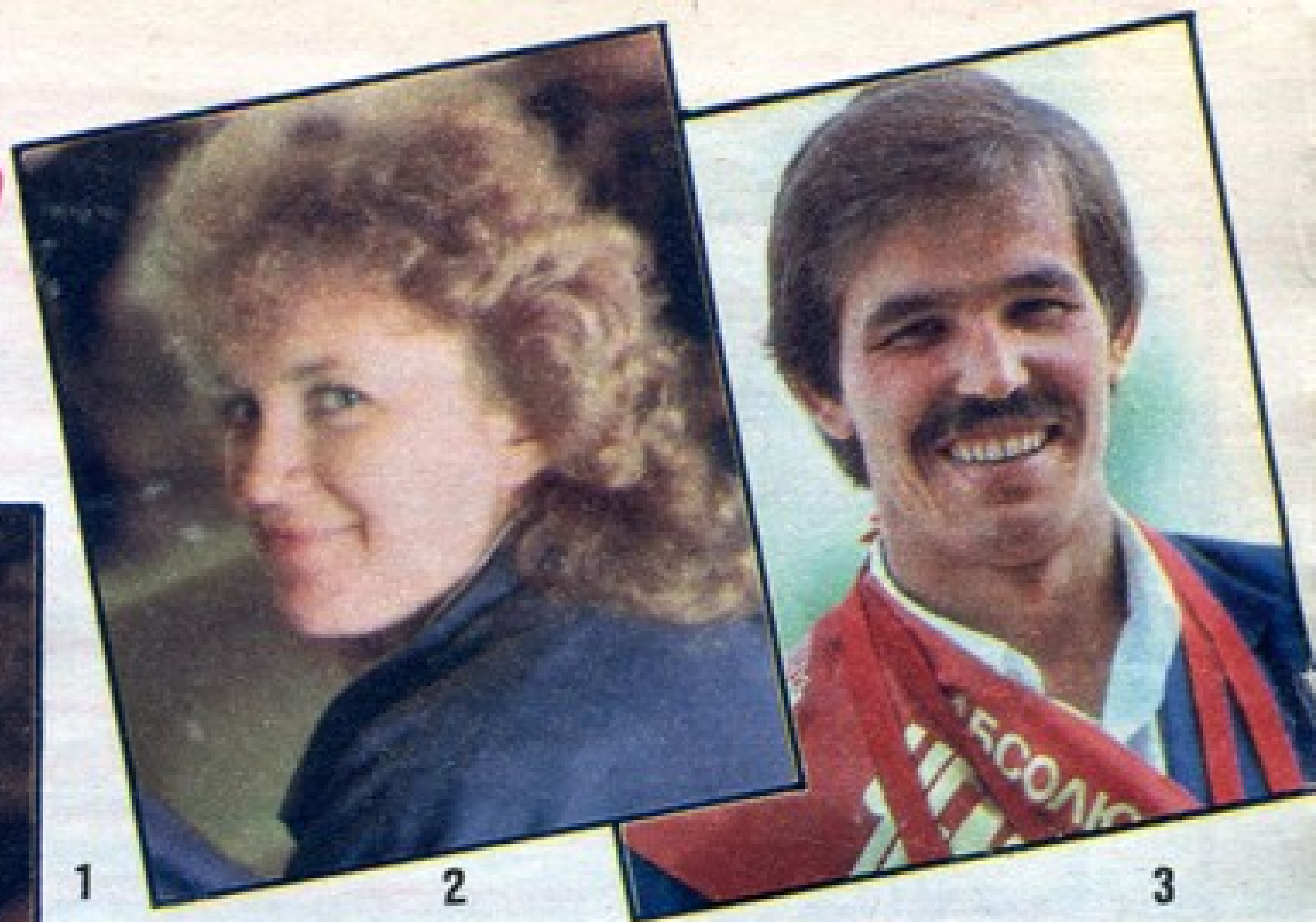
Интересовали меня всякие технические новинки. Заметил, что неподалеку от судейской располагаются с какой-то аппаратурой, сразу туда. Это оказалась компьютерная система для управления молочной фермой. Раньше я думал, что компьютер на наших фермах — дело далекого будущего, но ученые международного

объединения «Интер-агрокибернетика» рассказали, что система уже куплена хозяйствами Раменского и Красногорского районов Московской области. При мне к ней внимательно присматривались зоотехники из Узбекистана, Литвы, Белоруссии. До чего же удобно: нажмешь кнопку, — и на экране вся зоотехническая и племенная информация по каждой корове, включая и затраты на ее содержание. Я проспектов этой системы сколько можно набрал, чтобы у себя в совхозе показать.

Конкурс проходил в животноводческом модуле совхоза «Шушары» Ленинградской области. Ходили разговоры, что модуль специально построен для проведения таких мероприятий и обошелся чуть ли не

МУЖЧИНЫ!

1. Победительница на «Тандеме» Нийоле Жальпене.
2. Лена Андреева лучше всех доила в ведра.
3. Абсолютный чемпион конкурса Владислав Избаиров.
4. Любимая команда всегда лучшая, считает Николай Плешков (он в центре).
5. Валентина Какоткина — виртуоз «Елочки».

в полтора миллиона рублей. Коров сюда поставили едва ли не за день до открытия российского конкурса. Вот, мол, еще один памятник показухе. А я иного мнения. И за пять лет работы у себя на ферме я не узнал бы столько полез-

ного, нужного для дела, сколько за неделю на конкурсе. Разве это пустая трата денег? На учении экономить невыгодно!
Вернулся я домой, а мне говорят односельчане: «Ну что, Володя, повидал Ленинград?»

Нет, ответил, города почти не видел, а вот мастеров повидал настоящих. И в следующий раз попробую выступить не хуже, чем они.
Записала Т. ЛУЧКОВА.
Фото Н. КОНОНОВА.

КАК Я ХОТЕЛА ВЫЙТИ ЗАМУЖ

(исповедь абонента)

Я теперь абонент. Именно так в кооперативном центре социально-психологической помощи называемся я и мне подобные, решившие попытаться счастья и обрести, как изящно сказано в рекламном объявлении, спутника жизни.

Ну что в конце концов я теряю? — подбадривала я себя.

Выяснилось: 25 рублей. За них мне гарантируют в течение полугода три варианта. Если спроса на меня не будет, срок могут продлить за те же деньги или их вернуть. Правда, оговорено: в случае завышенных претензий я не получу ни денег, ни спутника жизни. Интересно, какие претензии считать завышенными? Я просила, на мой взгляд, не так и много: чтобы не был неумным, жадным, занудным. Психопата бы тоже не хотелось.

Мои робкие просьбы, а также информация о том, чем я сама располагаю, зафиксировали на четырех листочках анкеты. Претенденту на мою руку сообщалось, какие у меня глаза, волосы, рост, вес. Про нос, рот, зубы, ноги не спрашивали.

Интеллигентный, выхолненный человек, с усами, как у Яна Френкеля, от души, видимо, хотел успеха моему предприятию. Тонко, едва заметно он намекнул, что о некоторых моих приметах (например, очки) лучше в анкете не упоминать: «Знаете, какой у нас еще народ...» Я ответила, что не хочу начинать новую жизнь с обмана. Но в душу закралось сомнение. Эти люди знают, что говорят. Шансы мои, видимо, невысоки. Во всяком случае, в списке моих пожеланий человек с френкелевскими усами записал, что надо бы умного и не жадного. И только по моему настоянию добавил, что и занудство нежелательно.

Мне объяснили: есть возможность увеличить шансы. Несколько весьма уважаемых изданий готовы опубликовать объявление с краткой характеристикой (рост, вес, цвет глаз) плюс претензии к спутнику жизни. Это будет стоить сто рублей. Обещали прислать письма тех, кто заинтересуется. Если пожелаю с кем-то познакомиться, то есть ответить ему, надо будет уплатить еще пять рублей. За каждый адрес.

И тут на меня нашло смущение. За семь строк в журнале — сто рублей. А на соседних с объявле-

ниями страницах — призывы к сочувствию и человечности, скорбь о нашей бедности, воспевание милосердия, восхищение человеческим благородством и способностью к соучастию... Душа моя раздвоилась и сама с собой вступила в пререкания.

— Мы развиваем рынок, хотим реабилитировать закон стоимости, по которому услуга или вещь стоят столько, сколь велика в них нужда, — убеждала одна часть души.

— Да, — отвечала другая, — вот эти вежливые люди из кооператива и берут за трех претендентов 25 рублей. По 8 рублей 30 копеек за одного. Вполне по-божески.

— А публикация увеличивает шансы... К тому же экономические отношения развиваются по своей логике. Не надо путать ее с логикой милосердия.

— Путать не надо. Но экономика милосердия не отменяет. Как бы это люди жили одной экономикой, но без милосердия? Тем более, что у нас сегодня на милосердие дефицит даже более жесткий, чем на женихов, автомашины, колбасу и косметику.

— Знаешь, — обозлилась первая часть моей души, — за счастье не жалко ничего.

— Оно конечно, — согласилась вторая половина, — как и за лекарство ребенку. Тех, кто платит, можно понять. А вот тех, кто берет? То есть, публикует? Они же гуманисты, можно сказать, по профессиональному своему признаку. Мы платим врачам по 10 рублей за пломбу, которую они ставят нам из казенного материала и в рабочее время, потому что иначе будем выглядеть уродами. Но врачи при этом нам кажутся вымогателями. Если не сказать хуже. Однако отдадим им должное: все-таки с пломбой больше возни, чем с публикацией объявления. Врачи в отличие от прессы не рассуждают с нами при этом о бескорыстии и идеалах, не восхищаются теми, кто добросовестно работает за зарплату.

Нет, объявления публиковать можно и нужно. И хлопот с потоком писем от жаждущих счастья много. Мне ли не знать! Но цены! Я подсчитала: в одном журнале, в другом — на полосе по два десятка брачных объявлений. Это две тысячи рублей! И при этом знают ведь мои коллеги (можно сказать, друзья), сколько людей живут у нас на границе бедности и даже за этой границей, какую часть из них составляют женщины, и именно женщины одинокие, с несложившейся судьбой. Это же они, бедняги, должны за семь строк про свой рост, вес, цвет волос и сообщение, что образование, национальность и доходы партнера значения не имеют, отдать месячный заработок! А потом отстегивать от следующих получек по пятерке за адресок!

Если счастье состоится, женщина эта, конечно, всю жизнь будет звать мужа: «Дорогой мой!»

Нет, я понимаю: кооперация, законы рынка, спрос-предложение, инициатива более ненаказуема. Я — за, за, за! Но, братцы, еще Библия предостерегала: не надо отдавать первородство за чечевичную похлебку! Положение обязывает. Или уже нет? Или и тут мои претензии завышены?

Татьяна БЛАЖНОВА,
абонент в «Службе знакомств»
(квитанция № 14777).

СТЫДНО!

Собралась я с внуком навестить родственников в Майкопе. Сама живу в Армавире, мне 62 года, пенсионерка. Когда приехали на автовокзал, нужный нам автобус готовился к отправлению. Поинтересовалась у водителя, есть ли свободные места, он меня обрадовал: мол, автобус почти пустой. Я подошла к кассе и попросила один билет. Кассир Л. М. Халяпина сказала, что билетов нет. Я сослалась на водителя, который мне дал противопо-

ПРОХОДИ СЮДА, НЕ СПЕШИ

Я — доярка; тяну «молочные струйки» уже много лет, из далекого послевоенного детства. Будто белую теплую пряжу пряду, узелочком с маминной скрепленную. Школьницей подошла как-то к маме — она нашу кормилицу по кличке Ляля доила. Смотрю, а руки мамы так и летают: вверх — вниз, вверх — вниз... И длинно-длинно белые струйки текут.

— Мама, а можно мне?

— Отчего ж нельзя?

Проходи сюда. Не спеши...

Окончив школу — тогда семилетка была, — я не металась, куда бы пойти. На ферму... А теперь вот и мне скоро передавать «белую пряжу» в молодые руки. Приглядываюсь к школьницам: летом они у нас практику проходят. Беспokoюсь: понравится ли им моя профессия?

Однажды к одной из практиканток прибежала на ферму младшая сестра Леночка. Стоит возле меня, смотрит. Я аж затаилась вся, жду. И вдруг:

— Тетя Надя, а можно я стаканчик надену?

— Отчего ж нельзя?

Проходи сюда, не спеши...

Надежда ДУБОВА,
доярка совхоза

«Просторы».
Ханкайский район,
Приморский край.

«НЕ ПРИГЛЯНУЛАСЬ — И ВСЕ»

ложную информацию, и уже более настойчиво потребовала продать мне один билет, причем объяснила, что еду с ребенком, что мне тяжело бегать по вокзалу с выяснениями, кто прав: кассир или водитель.

Кассир резко оборвала меня: «Я лучше знаю, а водителя дело — баранку крутить».

Бегу к диспетчеру, объяснила ей ситуацию, стала умолять помочь, а то автобус уйдет. Диспетчер звонит Л. Халяпиной, что-то

долго объясняет, а положив трубку, обращается ко мне: «Идите и получите свой билет». Возвращаюсь к кассе, протягиваю деньги, мол, по поводу меня вам только что звонили. Та швыряет мои деньги: «Уйди от кассы. Что пристала?»

В конечном итоге билет я получила, посмотрела на часы, и ноги подкосились: по расписанию автобус должен был отойти пять минут назад. Сил уже не было, внук рыдает, на одном самолюбии дотаци-

лась до автобуса. Спасибо водителю — немного задержался. Уселась мы в автобус, а я вместо того чтобы внука утешить, сама разрыдалась, ничего с собой не могу поделать. В автобусе действительно из сорока мест девятнадцать было свободных!

В гости приехала совсем больная, поднялось давление, заболело сердце. Ну можно ли доводить человека до такого состояния только потому, что он тебе не приглянулся? Среди «неприглянув-

шихся» я была не единственная. Отказали и женщине в трауре, но она и спорить не стала, села смиренно ждать следующего рейса.

Раиса РЕБРОВСКАЯ,
Краснодарский край.

От редакции. Мы позвонили начальнику Армавирского автовокзала Николаю Георгиевичу Столярову. Оказывается, это была не первая жалоба на кассира Л. Халяпину. Письмо обсуждали в коллективе

уже без «главной героини»: она уволилась. Общее мнение: как бы ни вел себя пассажир, работники автовокзала должны быть сдержанны и вежливы, должны гасить, а не подерживать вокзальные склоки. Раисе Ребровской принесены извинения от коллектива автовокзала.

Интересно было бы узнать, где сейчас работает Халяпина и научилась ли она вежливо разговаривать с людьми. Вы не встречали ее, дорогие читатели?

ВЫ СПРАШИВАЛИ

А КАК БЫТЬ НАМ, СЕЛЬСКИМ?

«Селу нужны квалифицированные кадры. И среди нас есть желающие окончить институт и вернуться домой. Только, к сожалению, школа не дает хороших знаний, по крайней мере достаточных, чтобы выдержать конкурс в вуз. Не все могут воспользоваться и целевыми направлениями.

Хотелось бы, начиная с 9-го класса, заниматься на подготовительных курсах. Городским эта форма обучения доступна. А как быть сельским? Ира СКРЫПНИК,
Кустанайская область».

На подготовительных курсах может заниматься и сельская молодежь. Ведь существует и заочная форма подготовки к поступлению в вузы. А совсем недавно был объявлен прием на Всесоюзные заочные подготовительные курсы при Академии наук СССР.

Принимаются учащиеся с 8-го по 11-й класс общеобразовательных школ, СПТУ, работающая молодежь. Начать заниматься на курсах можно в любое время года и с любым уровнем подготовки.

В течение учебного процесса каждому слушателю курсов высылаются методические разработки, которые включают теоретический материал, примеры выполнения заданий с рекомендациями опытных преподавателей, задания для самостоятельной работы.

В некоторых городах открыты филиалы курсов, где можно получить очную консультацию.

Всесоюзные заочные подготовительные курсы (ВЗПК) помогут не только подготовиться для поступления в вуз, но и дадут подробную информацию о выбранном высшем учебном заведении и особенностях вступительных экзаменов.

Более подробно ознакомиться с формами обучения и условиями приема на ВЗПК можно, написав по адресу:

129110, г. МОСКВА, ВСЕСОЮЗНЫЕ ЗАОЧНЫЕ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ.

МЕРЫ ПРИНЯТЫ

ПОКА ДОЖДАЛИСЬ ДОКТОРА...

«Два года назад наш совхоз построил новую амбулаторию. Как мы радовались, что наконец-то перестанем трястись в автобусах, чтобы добраться до районной или областной больницы. Ведь на территории нашего поселка и в близлежащих деревнях проживает свыше двух тысяч человек. Но прекрасная амбулатория пустует: нет врачей», — написали в «Крестьянку» жители поселка Сарафоново Ярославской области.

На наш запрос А. А. Бобров, заведующий Ярославским областным отделом здравоохранения, сообщил, что в Сарафоновскую врачебную амбулаторию направлен главный врач, по специальности терапевт. Выделена ставка и для фельдшера. Три раза в неделю осуществляется прием населения стоматологом. Совхоз приобрел оборудование для физиотерапевтического кабинета.

И ПОБЛАГОДАРИТЬ НЕ УСПЕЛА

Продавцом я работаю. Стаж небольшой — два года. Только натерпелась, наслушалась грубостей на десять лет вперед. Нас считают обслуживающим персоналом и относятся соответственно. Я для себя уже выработала правило: чем агрессивнее и независимее держишься, тем меньше сама оплеух получишь. Срабатывает. Только вот беда: чувствую, характер портиться стал, в привычку входит дурное. Муж ругается, что крикливой, несдержанной стала.

Тут как-то поехала в Находку проведать брата в больнице. Пока добралась, стемнело. Обругали меня, мол, за-

кончились приемные часы, нечего в двери стучаться. На мое счастье, дежурная сестра вниз спустилась, выслушала меня. Говорю ей: вот с автобусами неувязка получилась, потому и приехала так поздно, мне даже ночевать негде, думала, успею еще и обратно уехать. Она меня успокоила, дала халат, провела в палату. Собралась я уходить, а сестричка мне навстречу: «Я договорилась о квартире, не на улице ж вам ночевать». У меня ком в горле, даже непривычно как-то. Хотела в благодарность ей добрые слова сказать, да не успела, ушла она. Думаю, утром специально

приеду, узнаю ее имя, благодарность напишу. Да вот закрутилась, так и уехала.

По сей день себя ругаю, ведь если бы обидели, нашла бы время узнать имя обидчика, а на добрые слова его всегда не хватает. Но для меня этот случай стал уроком на всю жизнь. Разозлит покупатель, а я вспоминаю ласковую сестру из больницы и уже совсем по-другому веду себя. И, знаете, самый отъявленный грубиян замолкает, слыша спокойный, ровный ответ. К добру добро тянется.

Раиса ЛОМАНОВА
Уссурийский район,
Приморский край.

ПОСЛЕ «ВЗРЫВА» НА ТИХОЙ СТАНЦИИ

Летом прошлого года в «Крестьянке» было опубликовано письмо агронома Лесостепной опытно-селекционной станции Марии Андреевны Егоровой «Это не моя сирень!». С тех пор многое изменилось на станции: ушли на пенсию и даже из жизни главные участники описанных в письме событий, нет больше ответственной «инстанции», на помощь которой больше всего рассчитывали, — Госагропрома СССР. Нет пока и конца у нашей истории. В поисках его давайте еще раз вспомним начало...

Основателем и бессменным руководителем Лесостепной станции в селе Мещерка был доктор сельскохозяйственных наук, профессор Николай Кузьмич Вехов. Много сортов сирени и жасмина вывел он здесь за эти годы, создал элитный фонд.

Но вот через много лет после смерти Вехова издается каталог-справочник «Виды и сорта сирени, культивируемые в СССР» (1980 г.). В нем из шестнадцати веховских элит одна неожиданно получила нового автора. Им стала тогдашний директор станции В. Л. Романова.

Дальше — больше. Еще один сорт сирени и три сорта жасмина оформлены на целый коллектив авторов — агронома станции Л. К. Лукину, заместителя директора К. П. Терехина (мужа В. Романовой), саму В. Л. Романову и М. А. Егорову. На их имя и пришло из Госкомиссии по сортоиспытанию сельхозкультур при Госагропроме СССР авторское свидетельство с денежным вознаграждением.

И вдруг — взрыв! Обозначенные в официальных документах люди решительно отказались получать авторские свидетельства, а тем более денежные вознаграждения — не востребовавшие

суммы до сих пор мертвым грузом «висят» на счету станции.

Что же произошло? Ведь все бумаги оформлялись на самой станции, решение подписано техсоветом, то есть официально подтверждено. Откуда же отчаянный крик на всю страну: «Это не моя сирень!»

Сегодня «соавторы» с болью признают, что спасовали перед напористостью директора. Властная, решительная, честолюбивая, она связала по рукам и ногам соучастием в откровенном подлоге. И дождала, сломила, «убедила» подчиненных:

— Сколько вы сделали, чтобы довести до конца дело, начатое нашим дорогим Николаем Кузьмичом! Разве вы не заслужили право считать эти сорта своими?

Многие в Мещерке знали, что подписи на документах были по-

ставлены под давлением директора станции. Знали, да помалкивали: Романову откровенно побаивались.

Письмо Марии Егоровой, что было напечатано в «Крестьянке», стало подлинным потрясением для коллектива тихой опытно-селекционной станции. Давно, ох как давно, пожалуй, со времен Вехова не решались здесь на смелый опыт справедливости, человечности, гражданского мужества. Смелость молодой уже женщины, решившейся на публичное покаяние, не смилившейся с невольным предательством памяти Николая Кузьмича Вехова, словно распрямила людей. Живы в них до сих пор уроки их учителя, никогда не склонявшегося перед неправдой.

В почте, адресованной Марии Егоровой после публикации ее письма, есть и отклик сына Вехова — ученого, преподавателя МГУ. Вырезку из журнала ему переслали аж на Белое море, где он был тогда в экспедиции. Он пишет Марии Андреевне, что, прочитав ее исповедь, твердо поверил: «С такими людьми возрождение нравственности, честности общества — возможно». И ни слова упрека в невольном лжеавторстве, лишь благодарность за верность и память об отце. А в конце — приписка: «Передайте привет тем, кто еще не потерял в памяти Николая Вехова. Он так любил людей».

Верю в близкий справедливый финал этой истории, официально отменяющий липовое авторство. Впрочем, самое главное уже произошло. Ведь не казенными печатями с подписями крепка правда, совесть и честь человека, который творит на земле красоту — цветов, души, поступка.

Ольга ПЕТУХОВА
г. Липецкая область.

НЕ БОЙТЕСЬ СПЛЕТЕН

В № 7 «Крестьянки» было опубликовано письмо Ольги из Молдавии, которая рассказала, как больно ранит одинокую молодую женщину грубость окружающих. Вот лишь один из откликов, адресованных Ольге.

«Оленька, не бойтесь сплетен. Это только поначалу они страшные. Попробуйте не обращать на них внимания, не пытайтесь доказывать сплетникам, какая вы на самом деле. Все равно не поймут. Поэтому, что бы ни говорили, знайте, вы чисты, и смотрите людям прямо в глаза. Увидите, сплетни рассеются. Те, кто их распускает, слишком ленивы, чтобы «работать» вхолостую. Как правило, это люди с низкой культурой, на что-то высокое, достойное неспособны. Их просто надо презреть, и сразу станет легче. Как? Старайтесь больше читать в свободное время. Сейчас много интересного идет. Может, только не все до вашего села доходит? В таком случае готов стать вашим библиотекарем. Что вы любите читать?»

Владимир КУЛЕМЗИН

г. Коломна,
Московская область.

ЯЗЫК МОЙ — ДРУГ МОЙ?

С вниманием прочел в № 7 «Крестьянки» очерк «Уроки эстонского для Веры Семеновны». Захотелось в связи с этим поделиться своими мыслями. Очерк получился добрый, по-особому теплый. В нем чувствуется боль за то, как мы сегодня живем в Эстонии, как сложны стали у нас межнациональные отношения.

Да, ситуация не простая. Трудно сейчас у нас так называемым русскоязычным людям. Это не только русские. Это все незстонцы. Очень важно объяснить драму этих людей, многие из которых попали в Эстонию под давлением трудных жизненных обстоятельств. Горькие плоды насилия минувших десятилетий — вот что такое сегодня межнациональные конфликты. Спасибо, что вы поняли это.

Юрий МОЧИЛИН
г. ТАЛЛИНН.

У ДОБРОТЫ НЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Я живу в Казахстане. По национальности украинка. Хотя с таким же правом могу сказать, что русская — у меня мама русская, муж русский. Наши предки приехали сюда в 1887 году, в Казахстане родились еще наши деды.

Тяжело бы пришлось переселенцам без помощи местного населения. Но отзывчивые, гостеприимные казахи дели-

лись едой. А переселенцы с ними — семенами новых для здешних мест растений. Общение было полезным взаимно. Переселенцы учили казахский язык, казахи начинали говорить по-русски, по-украински. До сих пор у нас в каждом населенном пункте как бы свой особый диалект.

Много раз с той поры менялся национальный

состав в селе. В войну приехали немцы, чеченцы, ингуши, армяне. И им все помогали. Потом началось освоение целины — столько народу прибыло! Сейчас на территории нашего сельсовета живут люди двадцати двух национальностей. И мы стараемся найти общий язык в прямом и переносном смысле. Давайте вспомним: многих и многих

привела в Казахстан не собственная воля, а жестокая сила. Каково бы было без помощи, без привета? Будь то человек или целый народ — без друга трудно. Каждый человек, если он оглянется на прошлую жизнь, на трудные минуты, вспомнит, как ему помогли люди разных национальностей. Тогда одно важно было: добры ли они, отзывчивы

ли? Про национальность того, кто протягивает руку помощи, ведь не думаешь, правда?

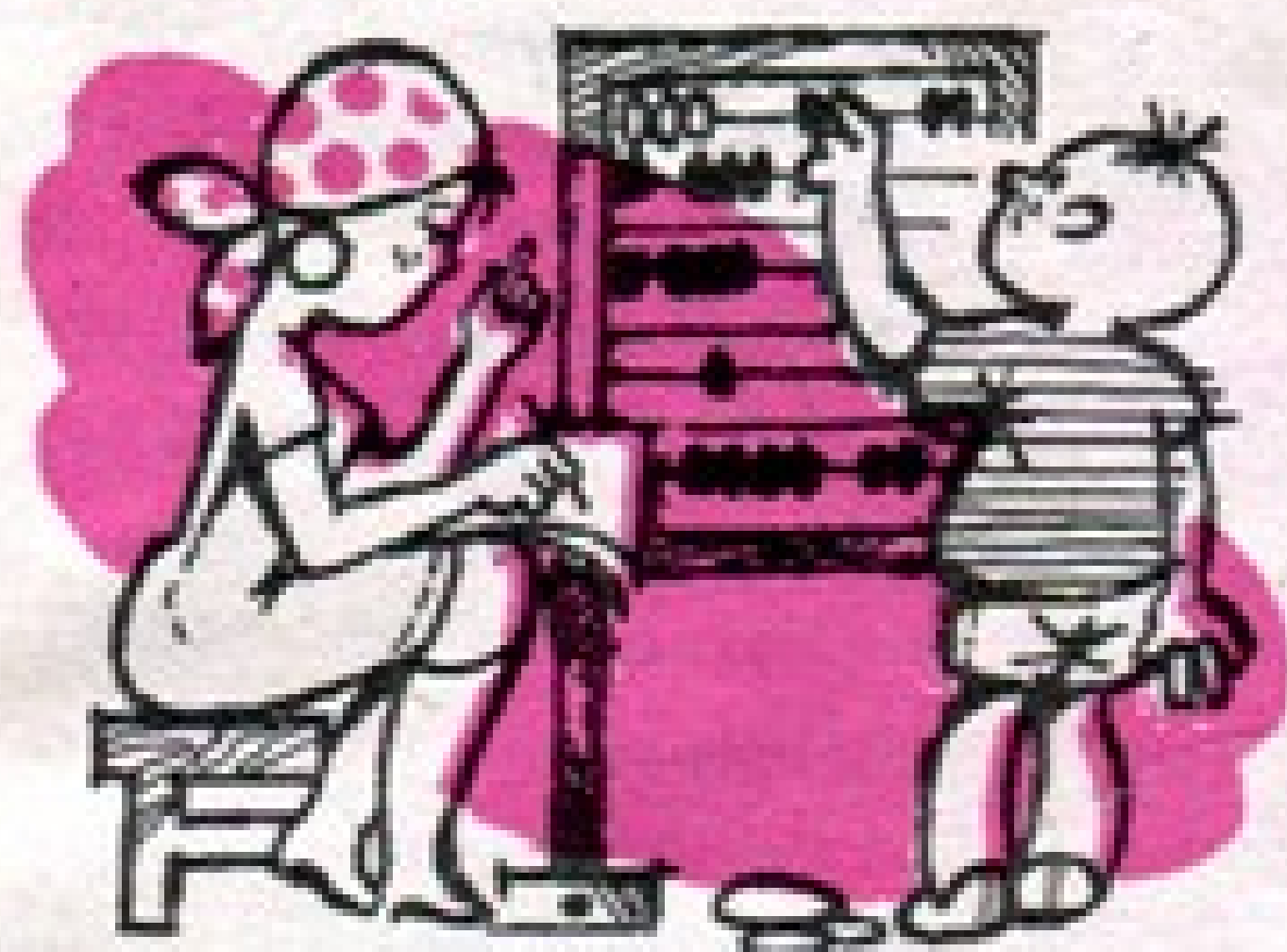
Родина у нас одна. А что такое Родина? Это земля, где каждый кустик родной — не то что человек.

ЧИЛИКИНА Валентина Михайловна, Казахская ССР, Целиноградская область, Кийминский район, село Запорожье.

АЗБУКА АРЕНДАТОРА

Продолжение.
Начало в №№ 5—10.

Заключив договор аренды, получив право юридического лица и открыв расчетный счет в банке, вы становитесь владельцем движимого и недвижимого имущества. Как им распорядиться, чтобы не остаться внакладе?

Арендатор должен четко знать, какими средствами он располагает, какова их денежная оценка, должен уметь соотносить свои доходы и расходы, то есть должен иметь **БУХГАЛТЕРСКИЙ БАЛАНС**, который, отражая наличие производственных фондов, материальных и денежных ресурсов (в активе) и источников их формирования (в пассиве), давал бы четкую картину финансового состояния хозяйства.

Кроме того, приходится учитывать, что, став собственником средств производства, арендатор вступает в экономические и правовые отношения

с финансовыми органами, с арендодателем, с поставщиками, закупочными и другими организациями.

Чтобы не запутаться в этих сложных отношениях, арендатор должен фиксировать каждую финансовую операцию, и опять-таки в этом ему поможет бухгалтерский баланс.

В очень примитивном виде баланс может выглядеть, как на табл. 1.

Давайте разберем, что и как учитывается по его статьям.

Сначала проанализируем колонку «АКТИВ».

По статье «Основные средства» вы будете учитывать приобретенные за счет своих средств, кредитов банка, безвозмездной помощи трактора, автомобиля, сельхозмашины, а также построенные вами производственные помещения. По статье «Отвлеченные средства» вы будете учитывать ваши текущие затраты за счет доходов и фондов экономического стимулирования. По статье «Убытки» могут образовываться суммы в том случае,

если материальные затраты окажутся выше полученной вы-

располагаете на открытом для вас **расчетном счете**. Наличные деньги, необходимые для расчетов, учитываются по статье «Касса». Наконец, статья «Расчеты с дебиторами» (дебитор — значит должник) даст представление о том, кто

и сколько должен вам за произведенную вами продукцию, выполненные работы и оказанные услуги.

Теперь рассмотрим краткое содержание статей «ПАССИВА».

По статье «Уставной фонд» вы учтете стоимость собственных основных производственных фондов, а их износ наглядно отразится в статье «Износ основных средств», где и будет накапливаться до списания с баланса изношенных, то есть амортизированных машин, оборудования, зданий и других средств производства. Статья «Доходы» образуется как разница между выручкой от реализации продукции и материаль-

ном ведении учета итоги баланса по активу и пассиву должны быть тождественны.

Нужно учесть, что баланс строится не сразу, а постепенно, по мере получения основных производственных фондов, материальных ценностей, денежных средств, кредитов банка, распределения валового дохода и так далее.

Ну, например, арендодатель передал вам безвозмездно списанный трактор. Вы должны его оценить хотя бы по цене металлолома в 200 рублей и сумму записать одновременно в актив и пассив по статьям «Основные средства» и «Уставной фонд».

Далее, за счет кредита вы приобрели оборудование для фермы стоимостью в 4000 рублей и сразу же сделали записи в статьях «Отвлеченные средства» и «Кредиты банка».

После этих операций ваш баланс будет выглядеть, как на табл. 2.

Таблица 2

АКТИВ	
1. Основные фонды — 200 руб.	
2. Отвлеченные средства — 4000 руб.	
Баланс	4200 руб.

ПАССИВ	
1. Уставной фонд — 200 руб.	
2. Кредиты банка — 4000 руб.	
Баланс	4200 руб.

ными затратами. Доход, как правило, определяется по итогам года. Статья «Кредиты банка» учитывает остаток задолженности по ссудам, выданным учреждением банка на основании полученной от него выписки со ссудного счета. Статья «Расчеты с кредиторами» нужна для того, чтобы видеть вашу задолженность арендодателю по арендной плате, поставщикам и подрядчикам — задолженность по платежам в бюджет, взносам на государственное или иное страхование имущества, расчетам за коммунальные услуги. Статья «Фонды экономического стимулирования» дает представление о средствах, необходимых для развития производства и создания фонда риска.

При правильном и постоян-

С каждой последующей экономической операцией в вашей ведомости будут появляться статьи баланса.

Боюсь, что даже такое краткое описание бухгалтерского баланса может вызвать недовольствие арендаторов: опять возня с бумажками! Но ничего не поделаешь: хочешь выгодно хозяйствовать, считай каждую копейку.

В. ВОЛОВИК, экономист.

Рисунки
Д. БАРАБ-ТАРЛЕ.

Таблица 1

АКТИВ	ПАССИВ
1. Основные средства.	1. Уставной фонд.
2. Отвлеченные средства.	2. Износ основных средств.
3. Убытки.	3. Доходы.
4. Материалы.	4. Кредиты банка.
5. Расчетный счет в банке.	5. Расчеты с кредиторами.
6. Касса.	6. Фонды экономического стимулирования.
7. Расчеты с дебиторами.	
Баланс	Баланс

ручки. Статья «Материалы» даст ответ, сколько семян, кормов, минеральных удобрений и других материальных ценностей находится у вас на складе и в кладовой. Выписки учреждения банка или финансово-расчетного центра покажут вам, какими средствами вы

АСТРОЛОГИЯ БЕЗ МИСТИКИ И ТАИН

Беседы об астрологии ведет доктор химических наук, лауреат Государственной премии СССР
Феликс Казимирович ВЕЛИЧКО

Двенадцать характеров

Продолжение. Начало в №№ 6—10.

В предыдущих номерах мы начали разговор о совместимости зодиакальных характеров: рассказали об инфраструктуре четности и тригонах стихий. Тема сегодняшней беседы — квадраты качеств.

Вы, наверное, уже заметили, что каждый тригон включает знаки одинаковой полярности. Однако инфраструктура тригонов стихий проявляется в общении людей значительно мощнее, чем инфраструктура четности. Знаки одного и того же тригона гармонично сочетаются между собой, как бы от природы совместимы, им часто даже не нужно тратить энергию на «притирку» характеров — их сердца бьются в унисон. Хотя и здесь есть свои подводные камни.

Представьте себе степной пожар. Чтобы потушить его, нужно пустить встречный пал: две стены огня встречаются и гасят друг друга. Так и двум представителям тригона ОГНЯ нельзя замыкаться друг на друге, нужно обязательно искать внешнее поле приложения своих сил и стремлений. Это особенно относится к Овнам. Когда речь идет о Львах, важен принцип первенства. В гармоничной семье Львов, как и в семье настоящего «царя зверей», женщина-львица должна выступать на полшага позади мужа. Для вольнолюбивых Стрельцов таких проблем нет: оба устремлены не в дом, а в широкие просторы мира. Важно только, чтобы они не потеряли друг друга из виду.

В тригоне ЗЕМЛИ, казалось бы, все иначе: их семья как монолитная скала. Но... у каждого из супругов еще до брака сформировались и прочно укоренились личные привычки, которые они совершенно не склонны менять. «Притирка» знаков Земли — не простое дело, особенно если существует разница их социально-культурного уровня. Все же основной лозунг характеров тригона Земли — «Терпенье и труд все перетрут» — позволяет наде-

яться на успешное преодоление семейных противоречий. Было бы обоюдное желание!

У представителей тригона ВОЗДУХА тяжелых семейных трагедий не возникает. Они расходятся так же легко, как и сходятся. Страдают, однако, дети. Союз Воздух — Воздух во многом определяется окружающей средой: его укрепляют общие интересы, общие знакомые, взаимное признание права на свободу действий.

Два знака ВОДЫ гармонично сливаются воедино, могут жить душа в душу, но рискуют утопить друг друга в эмоциях, если в их характерах нет ни крошки Земли. И здесь тоже большое значение имеет соответствие уровней развития. Знакам Воды, как рекам, вступая в союз, нужно иметь терпение уравнять свои «скорости», иначе придется течь по параллельным руслам, время от времени перебрасываясь волной через разделяющую косу различия интересов.

Вы, наверное, заметили, что во всех взаимодействиях одинаковых стихий большую роль играет окружающая среда. Это и понятно: можно накапливать и накапливать одноименный заряд, однако, достигнув

определенной величины, он неминуемо должен разрядиться на противоположно заряженный элемент окружающей среды, и пусть лучше это будет непрерывный слабый огонь, чем катастрофический удар молнии!

Теперь переходим к анализу совместимости знаков, принадлежащих двум разным тригонам.

ОГОНЬ — ЗЕМЛЯ. Довольно трудное сочетание. Землей обычно тушат огонь. Сильный огонь выжигает землю. Яркое вспыхивающее, но быстро гаснущий энтузиазм огненного знака не успевает убедить знак Земли. Для Огня главное — начало. Для Земли главное — результат. Обоим нужно искать золотую середину. Умный Огонь не будет непрерывно ставить новые задачи перед своей Землей, даст ей закончить одно дело, а потом вдохновит на другое. Мудрая Земля не станет раздражаться метаниями Огня: она выберет из его идей самую полезную и реализует ее.

ОГОНЬ — ВОЗДУХ хорошо дополняют один другого и не надоедают друг другу. Крайности вредны и здесь: на сильном ветру огонь выходит из-под контроля. Двое

«без царя в голове» способны натворить глупостей.

ОГОНЬ — ВОДА — конфликтное, но не безнадежное сочетание. Сильный огонь испаряет воду, и это может вести к взрыву (семейные конфликты!). Вода способна залить огонь и получить в результате чадающие головешки былой страстной любви. (В этом смысле наиболее трудно складываются отношения Овна и Скорпиона.) С другой стороны, вода активно впитывает тепло огня, долго его держит и, возвращая, поддерживает им нормальную температуру в среде обитания.

Вступая в союз, Огонь и Вода берут на себя серьезные обязательства. Огонь — быть внимательным и нежным, осторожно передавая Воде жар своей души и тем вызывая ее теплый отклик. Вода — сдерживать капризы и плохое настроение, не обливать холодным душем энтузиазм Огня, не копить обиды, а разрешать недоразумения сразу: Огонь поймет! И тогда страстность Огня найдет гармоничный отзыв в чувствительной и восприимчивой Воде, активность Огня поможет Воде реализовать ее мечты — воодушевление и лирич-

ность соединятся в прекрасном союзе.

ЗЕМЛЯ — ВОЗДУХ — довольно спокойное сочетание, если только Воздух в своем стремлении к свободе не вызовет разрушительный смерч ревности, а Земля не попытается запереть Воздух в четырех стенах. Знаки Земли, обогащаясь идеями знаков Воздуха, эффективнее решают свои задачи. Воздух, в свою очередь, воспринимает от знака Земли недостающую ему последовательность и способность не бросать начатое дело на полпути.

ЗЕМЛЯ с ВОДОЙ образуют отличный плодотворный союз. Земля учится у Воды гибкости и изобретательности. Вода перенимает у Земли недостающую ей практичность и целеустремленность. Но даже это гармоничное сочетание можно испортить крайностями. Избыток воды превращает землю в грязь. Капризы и претензии Воды могут довести до нервного срыва все очень серьезно воспринимающую Землю. Ведь, как вы помните, Земле нельзя поручать два дела одновременно! Сухая земля впитывает всю воду без остатка. Так черствость и безудержный практицизм знака Земли способен превратить податливую Воду в раба, боящегося вымолвить лишнее слово. Постоянный стресс разрушает человека, а уж родившегося под знаком Воды — тем более.

ВОЗДУХ — ВОДА — наиболее трудная для анализа пара. Случай первый: два уравновешенных характера. Легкий ветерок вызывает ответную рябь на поверхности озера. Мирное и счастливое сосуществование. Случай второй: два сильных, самобытных характера. Буря на море способна сильно потрепать семейный корабль, если обе стороны не попытаются сознательно укротить свои страсти. Случай третий: стакан газировки (или бокал шампанского,

Окончание на стр. 21.

АСТРОЛОГИЯ БЕЗ МИСТИКИ И ТАИН

Окончание.
Начало на стр. 20.

кому что нравится). Под давлением обоюдной симпатии медового месяца воздух растворяется в воде, образуя приятный, освежающий напиток. Но оставьте его незакупоренным — и весь газ улетучится, оставив кислостный привкус. Для поддержания взаимной притягательности оба партнера не должны опрощаться, «опускаться» в быту. Муж должен видеть жену причесанной и аккуратно одетой. Жена — галантного, следящего за собой мужа.

Рассмотрим теперь третью инфраструктуру Зодиака — **КВАДРАТЫ КАЧЕСТВ**. Тригоны стихий объединяют знаки Зодиака по сходству черт характера; квадраты качеств — по сходству проявления этих черт. Каждый четвертый знак (первый — тот, с которого начат отсчет) проявляет свой характер сходным образом. Аналогичные по самовыражению знаки образуют в круге Зодиака три квадрата (вы можете их нанести на схему тригонов стихий, помещенную в предыдущем номере).

КАРДИНАЛЬНЫЙ (основной) квадрат — Овен, Рак, Весы, Козерог — объединяет знаки энергичные, деятельные, предприимчивые, независимые. Они честолобивы, обычно владеют ситуацией, хорошо видят возможности, стремятся достичь вершин и руководящей роли в сфере своей деятельности. Обладают хорошими «пробивными способностями», быстро отвечают на любой вызов в их адрес. Они инициаторы всех начинаний и движений. Овен

и Весы наиболее активны в предложении, Рак и Козерог — в реализации.

ФИКСИРОВАННЫЙ (постоянный, стабильный) квадрат — Телец, Лев, Скорпион, Водолей — объединяет знаки упорные, трудолюбивые, терпеливые, надежные, доводящие начатое дело до конца. Им присущи постоянство, основательность, осторожность, некоторый консерватизм и склонность к догматизму. Все ими созданное прочно, практично, сделано на совесть. Телец и Лев тяготеют к традиционным, испытанным методам; Скорпиона и Водолея привлекает новое, связанное с известной долей риска.

МУТАБЕЛЬНЫЙ (подвижный, изменчивый) квадрат — Близнецы, Дева, Стрелец, Рыба — объединяет знаки гибкие, способные действовать по обстоятельствам, с широкими разносторонними интересами, что позволяет им видеть все стороны явления, ситуации, проблемы. Они беспокойны, зачастую нерешительны, на них трудно положиться. И не потому, что они «вруны» или «изменщики»: они действуют по глубокому внутреннему убеждению, только убеждения их часто меняются, и из самых лучших побуждений они могут пообещать больше, чем способны выполнить. Из людей, рожденных под этими знаками, получаются хорошие консультанты, теоретики, референты. Наиболее надежны и последовательны в своих действиях Дева и Стрелец, наименее — Близнецы и Рыбы.

Нетрудно заметить, что каждый квадрат объединяет знаки разной полярности и включает все 4 стихии, как бы определяя способ проявления стихии в каждом знаке Зодиака,

который характеризует своим набором стихий и качеств (см. таблицу). Взаимоотношения в квадратах и между квадратами складываются не гладко, через преодоление противоречий, но именно те союзы, которые осознали и преодолели неизбежные в совместной жизни трения, наиболее прочны. (Замечено, что сочетаемость в любви лучше проявляется по качествам, чем по стихиям.)

Мутабельный квадрат, включающий некоторые признаки кардинального и фиксированного, хорошо ладит с обоими. Это как бы слой масла, который скрепляет хлеб и сыр в бутерброде человеческого взаимодействия. Знаки фиксированного квадрата не всегда понимают знаки кардинального, но без их помощи начинания «кардиналов» рискуют окончиться неудачей.

Для каждого знака Зодиака в каждом квадрате имеются два хороших и два напряженных сочетания (по тригонам стихий). Например, для Овна в кардинальном квадрате: Овен — Овен — гармония; Овен — Рак — напряженно (желание Рака полностью владеть Овном вызывает его протест); Овен — Весы — хорошо, дружно работают вместе; Овен — Козерог — напряженно (натиск Овна вызывает сопротивление Козерога).

Вот теперь, дорогой читатель, вы можете охарактеризовать каждый знак Зодиака и проанализировать каждое из 144 сочетаний (в союзе участвуют «он» и «она», и их нужно менять местами). Пользуясь нашей таблицей, попытайтесь эту работу проделать самостоятельно, а мы по мере возможности будем вам помогать каждой новой публикацией на страницах «Крестьянки».

НЕПРЕМЕННО! В будущем году...

В № 9 мы задали вам, дорогие читатели, несколько вопросов о журнале. Спросили, нравится ли он вам, что в нем устраивает, что — нет.

Итак, вам нравится, что много места журнал отводит материалам, воспитывающим чувства и душу. Житейские истории, в которых как в зеркале отражается современная женщина, ее привязанности и тревоги, ее опыт преодоления конфликтов и невзгод, — без таких материалов, согласитесь, невозможна наша «Крестьянка». Но — вы правы! — увлекаясь проблемами взаимоотношений взрослых людей, новой ролью женщины в перестройке, мы несколько отвлеклись от роли старой, точнее, вечной: воспитания детей. Матери просят нашей помощи в преодолении домашних трудностей и конфликтов. Мы постараемся сделать это, публикуя консультации опытных педагогов, психологов, юристов.

Если говорить о главной задаче, которую ставит перед собой журнал, — это, конечно, защита женщины. Защита от несправедливости, от обид, от нужды и болезней. Всегда и во всем. Если нужна наша помощь, — пишите, мы постараемся сделать все, что в наших силах.

Каждому из нас хочется понять ближнего. А это значит понять прежде всего самого себя: свою душу, свой разум, свое тело. И то, что зачастую лежит за пределами привычного и известного. Мы думаем уделять как можно больше внимания всем аспектам науки о человеке. В ближайших номерах появятся, например, материалы о нетрадиционной медицине, о слове, способном врачевать, о том, как использовать знание астрологии для преодоления болезней и житейских невзгод. А «Хозяюшка» будет помогать женщинам дольше сохранить красоту и привлекательность, умело и практично строить свой дом. Все ваши заявки, просьбы, предложения «Хозяюшка» непременно учтет и постарается выполнить.

Вы просите больше писать о театре, кино, телевидении, эстраде — с удовольствием сделаем это. Самым молодым читателям скажем по секрету: будут, будут материалы и о «звездах» зарубежного рока, и о наших модных исполнителях. И, конечно, расскажем о тех артистах, которые нравятся вашим мамам и бабушкам.

«Не забывайте про мужчин» — просят читательницы. Казалось бы, при чем здесь мужчины, журнал-то женский? Но, откровенно говоря, как бы мы ни ругали своих мужей и сыновей, мы их очень любим и в них нуждаемся. Что ж, «Крестьянка» готова включить и мужчин в обсуждение наших проблем и уже сделала первый шаг, опубликовав советско-американскую анкету, цель которой — узнать, что думают мужчины по обе стороны океана о семье, о своих женах и подругах, о нас с вами. Анализ ответов — в будущих номерах; забегая вперед, скажем лишь вот о чем: знаете, какие женщины больше всего нравятся? Приветливые, жизнелюбивые. А какие мужчины? Такие же! Но много ли вокруг нас улыбающихся мужчин? «Разбудите мужчин, избавьте их от постоянно мрачного, унылого вида!» — написала одна читательница. Непременно! В будущем году...

Квадраты качеств	Стихии			
	Огонь (+)	Земля (-)	Воздух (+)	Вода (-)
Кардинальный	1. Овен	10. Козерог	7. Весы	4. Рак
Фиксированный	5. Лев	2. Телец	11. Водолей	8. Скорпион
Мутабельный	9. Стрелец	6. Дева	3. Близнецы	12. Рыбы

А ОТЦУ КАКОВО?

Был у меня день, когда муж обнял старшую дочку, покачал коляску, где спала младшая, и с гордо поднятой головой шагнул из нашей жизни навстречу новому счастью. Долгое время смотрела я на мир сквозь пелену слез и терлась в догадках, чем же так не угодила, и корила себя за мелкие семейные неурядицы, которым в свое время и значения не придавала.

«Папа разлюбил не вас», — сказала я старшей дочери и как могла пыталась объяснить ей, почему он с нами жить теперь не будет. Шестилетняя девочка тяжело переживала разлуку, след остался на всю жизнь. Сейчас, через годы, отец делает все возможное, чтобы вернуть любовь дочери, но достучаться до ее сердца не может. А тогда, после развода, моя старшенькая как-то сразу повзрослела и посерьезнела, много времени проводила с младшей сестренкой, помогала мне ее растить, читала ей книжки, разучивала песенки. И ко-

гда в них вдруг проскальзывало слово «папа», она замолкала и словно сжималась.

Прошло много месяцев, прежде чем на пороге нашего дома появился наш папа. Младшая радостно потянулась навстречу: «Дядя пришел!» Он остановился, словно ошпаренный. А я подумала: зло, как бумеранг, всегда возвращается к тому, кто его сотворил. «Дядя!» — это ли не расплата!

Не решусь сказать, что жизнь наша без мужа, отца была счастливой, но я очень старалась, чтобы дети не слишком ощущали его отсутствие, все делала, чтобы доставить им радость.

Я часто гуляла с детьми в сквере. Там и познакомилась со своим вторым мужем. Он приводил сюда свою дочку, которую ему «выдавали» на несколько часов, — с женой они давно разошлись, и у нее уже была другая семья, а у дочки новый «папа». Мы часто встречались с этим человеком,

о многом переговарили, хорошо узнали друг друга. Его предложение о замужестве не было для меня неожиданным. Я согласилась.

С той поры прошло два года. В семье нашей мир и лад, девочки очень дружны с моим вторым мужем, зовут его «папа». Живем хорошо. Но... все чаще звонит девочкам их отец, все настойчивей приглашает вместе провести выходной, поехать за город, пойти в кино, в поход. Видно, тоска по детям гложет его сердце. Мы детей не держим, не препятствуем встречам с отцом, но они сами не всегда охотно идут на это. Помню, как-то спросила старшую, поедет ли она с отцом в горы. Он ради нее и затевал эту поездку. Но она отказалась: «Нет, — сказала, — так долго без вас я не смогу». А поездка-то всего на два дня. Не скрою, нам приятно было это слышать. А ему как-во?

Эмилия ПАВЛЮК,
г. Львов.

«ВСЕ БЫЛО НЕДОСУГ...»

Хочу рассказать о своей маме, Сидоренко Татьяне Кирилловне. Мы, а нас у нее шестеро, конечно, любили ее, как дети любят мать. Но вспоминаю, сколько любви к нам вмещало ее сердце, и понимаю: нам не дано и сотой доли такой любви, терпения и самопожертвования. Не то чтобы дня — часа не прожила она для себя. Не знаю, когда она и спала: засыпали мы под ее хлопотливую возню и просыпались от тех же звуков: звона ведра, треска поленьев в печи, плеска наливаемой в чугунок воды...

Один за другим мы подрастали, покидая родительский дом в маленькой обезлюдившей и поскучевшей деревне. И каждого мама словно отрывала от сердца, и (я теперь так это понимаю!) с отъездом каждого прибавлялось ей тревог. Наш редкий приезд угадывала сердцем. Выбегала навстречу, на

крыльцо, спешила увидеть нас.

Когда съезжались все сразу, наступал ее час. Час радости, покоя, умиротворения. Хлопотала, угощала — и все легко, все бегом, словно и не было за плечами ее лет и бед. Все старалась делать сама, нас жалела, оберегала: где и понежиться, если не у родной матушки. Провожала непременно с гостинцами. На нечастые наши подарки сердилась: «Лучше бы справили себе что-нибудь или детям». Она признавала для себя одну радость — давать. А мы легко это принимали. Считали, что так и должно быть.

И вот словно гром среди ясного неба: мама тяжело заболела. Всё бросили, все примчались.

Она лежала смертельно больная, смотрела чужими глазами и, казалось, не узнавала, не слышала меня. Но стоило пролиться одной моей слезинке,

как в ее глазах затеплилось сознание. Слабо, как бы ободряя меня, улыбнулась и произнесла тихотихо слова, поразившие меня в самое сердце: «Здравствуй, дочка... Ты не замерзла? Возьми на печке валенки, они теплые...»

Мама умерла восьмого марта, в свой любимый праздник. И это было ее первое и последнее нам наказание, ее первый и последний укор...

Каждую весну в этот день мы приходим на ее могилу. Стоим плотным полукольцом, ее взрослые, седеющие дети, склонив перед нею свои повинные головы. Мама смотрит на нас с портрета на памятнике, и в глазах ее затаенная извечная тревога за нас. Они добры, печальны и всепрощающи, какими были при жизни. И нет сил оторваться от них.

Е. СИДОРЕНКО
г. Кумертау.

Вот они, юные и прекрасные девы, вечные спутницы вечных поэтов земли, всегда рядом, иногда и чуть впереди, в белых чистых одеждах ведут своих избранников сквозь грохот и лязг жизни: суровый Данте и молоденькая, почти дитя, нежная Беатриче, сладкоголосый Петрарка и волоокая Лаура, Пушкин и Наталья Николаевна, Александр Блок и Любовь Дмитриевна — они могут быть умными и не очень, не всегда красивыми, но всегда незаменимыми. Наверное, потому так много в поэзии ангелов, и муз, и сирен, что они, эти земные спутницы и подруги, были для них и ангелами, и музами, были не украшением жизни, а жизнью и жарким пламенем, и высокой, холодной звездой. И как нет человека без тени, так нет поэта без его избранницы, будь он стар, как Гете, или хром, как Байрон, или неказист, как Тютчев, все это пустое; разве не был юн семидесятилетний Гете для Ульрики фон Левецов, разве не был красавцем уставший Тютчев для Елены Денисьевой?

Ну, а что случится, если произойдет совсем невероятное: страшная НЕВСТРЕЧА, непорочное сечение орбит — тут ведь не о счастье речь идет, о жизни, с жизнью не встреча. Тогда ведь и поэта не будет, ибо при всей тонкости их строк никто так плотно, так тяжело, так кряжисто не стоит на земле, как они, поэты...

Но нет, не той, не единственной оказалась для Лермонтова Екатерина Сушкова, не дождалась, не поверила Варенька Лопухина...

И скучно и грустно,
и некому руку подать

В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно
и вечно желать?

А годы проходят — все лучшие годы!

Некому руку подать — это, наверное, страшнее тюрьмы и каторги. Некому помолиться за тебя. Некому порадоваться. Некому жить для тебя — тогда и самому как-то необязательно...

Но так же быть не может! И никаких исключений из этого правила нет. И не верьте тем, кто будет приводить вам примеры. Значит, просто не нашли, не увидели, не захотели увидеть это сердце, которое бьется только для тебя, и сердцем своим, как Земля притяжением, держит на орбите жизни.

Да, она непохожа на Лауру или Беатриче, может, это мешает? Но вот она говорит: «Нет ничего хуже, как пристрастная любовь, но я себя извиняю: он один свет очей моих, все мое блаженство в нем...» Каково? «Я себя извиняю...» Вот так, одним жестом смахнула все прошлые, настоящие и будущие упреки — и великолепно в этом своем жесте любви, и слушать поперек ничего не желает, и потекает, и балует, и прекрасно себя чувствует.

Не жена. И даже не мать. Бабушка. Ну да, бабушка, Елизавета Алексеевна Арсеньева, заступница и хранительница, лермонтовская твердь, Лаура в старушечьем чепчике, Беатриче с клюкою.

...Будто сама природа восстала против рода Лермонтовых. Восстала и извела.

С Елизаветы Алексеевны нелады и начались. Богата, родовита, замуж вышла за красавца, а супружества не получилось: барин ударился во все тяжкие. Может, и не молчала Елизавета Алексеевна, но терпела, еще же восемнадцатый век только-только отошел — седые, патриархальные времена, однако гнездилися, видно, какой-то тайный недуг в самом супруге, Михайле Васильевиче. В новогодние торжества усадил он жену свою и малолетнюю дочку рядом с собою и такое сказал, что они, конечно, не поверили:

— Ну, любезная моя Лизанька, ты у меня будешь вдовушкой, а ты, Машенька, будешь сироткой.

И, не прерывая веселья, ушел в соседнюю комнату и отравился зельем из пузырька. Сказывали, что суровая вдова подхватила дочь и увезла ее в Пензу...

Была Елизавета Алексеевна из знаменитого рода Столыпиных, их, Столып-

Елизавета Алексеевна АРСЕНЬЕВА.

ных, было не перечить: и богаты, и плодovиты, а у нее самой подрастала одна Машенька, вышедшая в 17 лет замуж за отставного капитана Лермонтова. И все повторилось: и единственный ребенок, и болезни, и муж-ходок, и безысходная тоска, породившая чахотку. В двадцать два она угасла; сыну еще трех лет не было; бабушке было сорок четыре.

И вот тут Елизавета Алексеевна восстала против судьбы. Решила, что ничему хорошему отец сына не научит, прогнала его, говорят, что и откупилась, и решила всю свою жизнь посвятить внуку, от всех зол оградить, что возможно купить за деньги —

купить, остальное добавить неистовой своей любовью. Не вдова, не помещица, не страдальца — только бабушка, и уже до конца.

Одни вспоминают ее замечательной красавицей, высокой и суровой, другие описывают почти неуклюжей, почти дурнушкой — вот, пожалуй, наиболее верный ее портрет: «Елизавета Алексеевна была среднего роста, стройна, со строгими, решительными, но весьма симпатичными чертами лица. Важная осанка, спокойная, умная, неторопливая речь подчиняли ей общество и лиц, которым приходилось с нею сталкиваться. Она держалась прямо и ходила, слегка опираясь на трость, всем говорила «ты» и никогда никому не стеснялась высказать, что считала справедливым. Прямой, решительный характер ее в более молодые годы носил на себе печать повелительности и, может быть, отчасти деспотизма, что видно из отношений ее к мужу дочери, к отцу нашего поэта. С годами, под бременем утрат и испытаний, эти черты сгладились — мягкость и теплота чувств осилили их, хотя строгий и повелительный вид бабушки молодого Михаила Юрьевича доставил ей имя Марфы Посадницы среди молодежи, товарищей его по юнкерской школе. В обширном круге ее родства и свойства именовали ее просто «бабушка». Тут надобно добавить, что и юнкера, а потом и офицеры — однополчане Лермонтова тоже звали ее просто «бабушка», а это уже о чем-то говорит: сидят бузотеры, дуэлянты, сорвиголовы на гауптвахте, и вдруг шепоток — «бабушка прибыла», и облизываются: корзин с едой на всех хватало.

Наверное, когда внук подрос, Елизавета Алексеевна не раз проклинала себя: она так радовалась, когда внучек, едва говорить научившись, начал все слова по рифме подбирать: откуда такое? дар, наверное... И рисовал замечательно. Пол в его детской был затянут сукном, и Миша ползал и покрывал его рисунками. А пришло время — и дар этот проклинать стала. От стихов, от них, проклятых, все его беды. Не пиши, Миша, я тебя очень прошу! Не буду, бабушка. А от карикатур не меньшая беда. Да не рисуй ты, душа моя, умоляю тебя!

— Что же мне делать с собой, когда я не могу так жить, как живут все светские люди? Бабушка просит меня не писать стихотворений и не брать в руки карандаша — не могу, не могу!

А ведь нравились ей стихи внука, очень нравились, гордилась ими.

— Стихи твои, мой друг, я читала бесподобные, а всего лучше меня утешило, что тут нет ныншней модной неистойвой любви, и невестка сказывала, что Афанасью (брату, Столыпину) очень понравились стихи твои и очень их хвалил, да как ты не пишешь, какую ты пиесу сочинил, комедия

Эрнст МАРКИН

„ОН ОДИН
СВЕТ ОЧЕЙ МОИХ“

Смачно. (113а) (21) (Абурама)

Смачно. (113а) (21) (Абурама)
I.
II.
III.

или трагедия, всё, что до тебя касается, я равнодушна, уведоь, а коли можно, то и пришли через почту. Стихи твои я больше десяти раз читала...

Но пусть, пусть уж лучше не сочиняет, бог с ним, с этим даром, лишь бы в здоровье был, в радости, а то вон как с Пушкиным-то кончилось...

*Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..*

Что? Это ее Миша написал? А распроклятые друзья по всему Петербургу распространяют? Да ведь беда, беда! «И зачем это я на беду свою еще брала Мерзлякова (известного поэта.— Э.М.), чтобы учить Мишу литературе; вот до чего довел его». Ну, благо, что родня знатная, да и сама не последняя, и связи есть, и уважение при дворе — спасать надо, беду отводить. И спасала. И в этот раз, и во все последующие, а их было немало, и не будь ее, Елизаветы Алексеевны, сгинул бы внук гораздо раньше: это не секрет был для современников. Графиня Ростопчина, подруга Пушкина и Лермонтова, поэтесса и хороший человек, куда как точно сказала:

*Но есть заступница родная,
С заслугою преклонных лет:
Она ему конец всех бед
У неба вымолит, рыдая.*

С самого рождения Лермонтова (1814 г.) и до 1835 года они вообще ни разу не расставались: и на Кавказ в детстве лечиться возила, и когда он в университетском пансионе учился — она рядышком, и когда юнкером стал — к нему в Петербург переехала по его просьбе; не могли друг без друга да и не хотели.

Наседка? Да, а что же тут обидного. Вот она берет с внука слово, что он никогда не сядет в поезд — что в нем, черте железном, хорошего? Вот пуще всего озабочена, как бы его не женили в Петербурге. И в мелких этих треволнениях и заботах она счастлива. Впервые в жизни.

«Милый любезный друг Мишенька. Конечно, мне грустно, что долго тебя не увижу, но, видя из письма твоего привязанность твою ко мне, я плакала от благодарности к Богу, после двадцати пяти лет страдания любовью своею и хорошим поведением ты заживляешь раны моего сердца. Что делать, Богу так угодно, но Бог умилосердится надо мной и тебя отпустят...»

А он как? Ведь о нем ходила слава дерзкого, неприятного, невыносимо высокомерного человека. Над товарищами насмехался. Женщин обижал. Слабых умом затравливал и радовался, когда их дурь наружу выплескивалась. Так что ему бабка? Вот один только штришок, маленький, конечно, но внимательному сердцу многое скажет. Два неразлучных дружка — Лермонтов и Алексей Столыпин были как-то проездом в Воронеже. Оба одиночество любящие, потому и разошлись в разные стороны, а неожиданно встретились в божьем храме.

— Как ты сюда попал? — удивился Столыпин.

Лермонтов очень, очень смутился, однако ж палочка-выручалочка спасла:

— Да бабушка велела Угоднику здешнему молебен отслужить! А ты зачем?

— Да мне тоже бабушка велела...

Тут не о вере речь, а о доводе. Бабушка — такой довод, что и спорить не о чем. Святое. А ведь великим князьям, да что там — царям дерзили...

Кажется, вдвоем — бабушка и внук — переломили судьбу. Но судьба, рок — это всего-навсего ширмы для человеческой злобы и скотства, и не знала Елизавета Алексеевна, когда писала вышеприведенное письмо, что жить ей в счастье уже нет времени.

А внук ее стал знаменит в один день. Погиб поэт — Пушкин. Родился поэт — Лермонтов. Прочитав «Смерть Поэта», царь наложил резолюцию: «Приятные стихи, нечего сказать... Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону». Михаилу Юрьевичу 22 года. (От ворот юнкерского училища до подножия горы Машук дорога длиною всего в шесть лет.)

Напрасно думать, что вся Россия возликовала, узнав о явлении новой своей славы. Царь сквозь зубы: «Этот, чего доброго, заменит Пушкина...» Полковник гусар Ломоносов, любивший Лермонтова: «Брось ты свои стихи, государь узнает, и наживешь ты себе беды!» Командир лейб-гусар Хомутов: «Как Пушкин вызвал Дантеса, так бы и он, Хомутов, вызвал Лермонтова за его «ругательные стихи».

Ни об одном из поэтов России не было столь противоречивых мнений, как об этом юном офицере. Его не любили (очень многие) и обожали (единицы), одни видели его глаза красными (что было правдой), другие прекрасными (что тоже было правдой), он был несносным, угрюмым, букой — он был душой общества; ни один художник не смог передать его облика — одни приукрашивали, другим он казался безнадежно заурядным, как будто между его телом и духом не было ни одной точки соприкосновения.

Вот описание Веры Ивановны Анненковой, женщины умной, наблюдательной да к тому же и родственницы: «У него был злой и угрюмый вид, его небольшие черные глаза сверкали мрачным огнем, взгляд был таким же недобрый, как и улыбка. Он был мал ростом, коренаст и некрасив, но не так изысканно и очаровательно некрасив, как Пушкин, а некрасив очень грубо и несколько даже неблагородно».

Отчего же для других он был мало того, что хорош собою, но даже просто обворожителен? Давайте доверимся глазам и сердцу ребенка: уж если они соврут, то чему же верить?

Итак, мальчику двенадцать лет, его мать дружит с Елизаветой Алексеевной, мальчик часто видит ее. Он заочно влюблен в Лермонтова, как в преемника Пушкина. Он умоляет сделать так, чтобы познакомиться ему с поэтом; мать обещает.

«Лермонтов! Боже, какое разочарование! Какая пропасть между моей фантазией и действительностью!..»

«Впечатление, произведенное на меня Лермонтовым, было жуткое. Помимо его безобразия, я видел в нем столько злости, что близко подойти к такому человеку мне казалось невозможным, я его струсил. И, не менее того, увидеть его снова мне ужасно захотелось». Прошла неделя. Мальчика привели в дом Арсеньевой, Лермонтов был покоен, приветлив, разговорился с мальчиком. «Лицо его было как бы иное, более доброе; сардоническое выражение его сменилось задумчивым и даже грустным... В тоне его с бабушкой я заметил чрезвычайную почтительность и нежность».

Наверное, в этом все дело: слишком напрямую лицо его выражало состояние души, и если это состояние не нравилось собеседнику, он и почитал сам облик нехорошим, некрасивым. Вот почему для бабушки он был всегда прекрасным. Не от слепоты любви. Любовь еще никогда и никого не ослепляла. Она всегда другое, более пристальное зрение, прозрение, и если оно есть — такими пустяками кажутся и цвет глаз, и форма носа, и все остальное. И не надо гадать, почему любят старых, или лысых, или сгорбленных, или хромоногих, — прозрение минует такие пустяки. То, что испытал наш мальчик, пережили и Иван Сергеевич Тургенев, и многие другие. И Белинский. Ведь еще недавно неистовый Виссарион уговаривал: «Поверь, что пошлость заразительна, и потому, пожалуйста, не пускай к себе таких пошляков, как Лермонтов». Но пришел иной час, и Белинский, посетив поэта на гауптвахте, в полном восторге от него. Наконец-то он понял секрет Лермонтова: своими издевками, сарказмами, шуточками он наглухо закрыт от всех, но если уж кому доверился, то очарованию его не будет предела.

Разговор о внешности Лермонтова все-таки имеет смысл. С одной стороны, спрашивается, ну кому какое дело до того, какие у него все-таки глаза. С другой — что-то в этой запальчивости современников есть. Он был не таким, как все, Михаил Юрьевич, и не хотел, не желал скрывать этого. Слово из другого времени вывалился. Был храбр, как Мцыри, но презирал солдафонство, высмеивал высшее общество, а другой среды у него не было; тянулся к любви, зная, что встретить ее по-

что невозможно. Пожалуй, только добрая знакомая Пушкина разгадала его, заметив, что он не дерзок, а застенчив. Да, воспитанный любящей бабушкой, выросший среди милых и преданных ему людей, он знал, что станет легкой добычей, если сам не оцетинится. Ну и ум. Пожалуй, главное, что ум и делал его в глазах других некрасивым. Представьте себе столичных хлебосолов, недавно расправившихся с декабристами, покончивших с Пушкиным; вот они садятся за стерлядку, а офицеришка в нелепой шинели им спокойно и задумчиво говорит: «Хуже всего не то, что некоторые люди терпеливо страдают, а то, что огромное большинство страдает, не сознавая этого». Уж куда тут до красивого и возвышенного — на Кавказ его, под черкесские пули!

Елизавета Алексеевна — подруге: «Дай боже вам всего лучшего, а я через 26 лет в первый раз встретила Новый год в радости: Миша приехал ко мне накануне Нового году. Что я чувствовала, увидя его, я не помню и была как деревянная, но послала за священником служить благодарный молебен. Тут начала плакать, и легче стало. План жизни моей, мой друг, переменялся: Мишенька упросил меня ехать в Петербург с ним жить, и так убедительно просил, что не могла ему отказать...».

Желчный? Но его сердце было переполнено любовью, просто исходило от любви. С Кавказа, с войны, он пишет: «...если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь...». А письма его к Елизавете Алексеевне заканчиваются вот так: «Прощайте, милая бабушка, будьте здоровы и покойны на мой счет, а я, будьте уверены, всё сделаю, чтоб продолжить это спокойствие. Целую ваши ручки и прошу вашего благословения.

Покорный внук
М. Лермонтов».

...Увидев новорожденного, акушерка сказала, что умрет мальчик не своей смертью. По прошествии лет гадалка подтвердила этот мистический диагноз. Самый храбрый человек кавказской кампании Руфин Дорохов (да-да, тот самый Долохов из «Войны и мира») говорил: «Славный малый — честная, прямая душа, не сносить ему головы... Какое-то черное предчувствие мне говорило, что он будет убит».

Неужто с гибелью в крови родился он? То, что риск был огромен, почти неизбежен — это ясно. Он же мог быть убит еще в дуэли с Барантом, слава богу, что француз поскользнулся и его шпага только оцарапала. Мартыновых вокруг было полно, а поэт и не собирался укрощать себя. Он даже не знал, как много у него врагов. И к тому же не будем забывать, шла война, и в любой схватке его могла настичь пуля, а он как-то бешено, как-то слишком уж азартно рисковал. Многие думали даже, что он нарочно искал пулю. Да и сам он: «Я б хотел забыться и заснуть!» Да нет, тут не о смерти речь: «Но не тем холодным сном могилы...» Просто, будучи неважным служакой, офицером он был замечательным... Вот только что бой закончился. Лермонтов идет с декабристом, ссыльным Лихаревым, рука об руку, спорили о Канте и Гегеле,

возбудились спором почище, чем в бою, остановились, руками размахивая, пуля ударила Лихарева в спину, прошла навылет, он умер на месте. Так что смерть рыскала рядом, но это вовсе не значит, что Лермонтов был обречен. Свет, в котором он вращался и который он так презирал, конечно, добил бы его, но в самое последнее время Михаил Юрьевич нащупывал нечто новое для себя, иную жизнь. Решил уйти в отставку, издавать журнал, поднимать русскую оригинальную литературу, изучать тайны азиатской мудрости. Трудно представить себе отношения Михаила Юрьевича с цензурой, но все-таки надежда была.

Бабушка вновь выбила из властей отдушину для внука: ему разрешили отпуск. И в этот последний раз Петербург увидел другого Лермонтова — повзрослевшего, помудревшего, совершенно сложившегося поэта. Балы оставались, но все больше времени проводил он с издателями и писателями, с интеллектуалами России. Видно было, что конфронтация с обществом заканчивалась не потому, что притерся, пообломался, примирился, а потому что дело определилось поважнее, чем травить гусак, и делом было творчество. Уже вышел томик его стихов и первое издание «Героя нашего времени», готовилось второе издание (все три издания — около трех тысяч экземпляров). Кончились балы, Лермонтов был грустен уезжая.

А на Кавказе то же самое, что и раньше. Смелчаки ловят пулю или награды; раненые собираются в Пятигорске, к ним присоединяются любители в картишки поиграть, пожуировать — все, как всегда. Обычные флирты, обычные ссоры. Эта ссора никого особенно не удивила, в конце концов кошка пробежала если и не между приятелями, то, во всяком случае, между добрыми знакомыми — учились еще вместе. Мартынова давно звали свирепым человеком, зверским. Среди офицеров держался до поры до времени в рамках, а тут сорвался, ограниченным, но цепким своим умом понимая, что царь, в случае чего, особенно не запреследует, все знали, что двор Лермонтова не любил. Однако на место дуэли, к горе Машук, собирались беззаботно, врача не позвали — помирятся, не впервой. Два дуэлянта, четыре секунданта. Лермонтову было двадцать шесть, все остальные младше: Мартынов — на год, как и Трубецкой, Столыпин на два, Васильчиков на четыре. Возраст нынешних студентов. Занятые больше собой, они, четверо, которые обязаны были предотвратить дуэль, не заметили, что в пустом малом Мартынове произошел бунт и тупая сила решила смести с лица жизни то, что всегда было и будет выше ее.

«Пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра, при срастении ребра с хрящом, пробила правое и левое легкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны». Пуля прошла навылет, убив Лермонтова на месте. Разразилась гроза, дождь хлестал, а ни врача, ни коляски. Пошли за людьми. Комендант Ильяшенко, узнав о смерти, заплакал: «Мальчишки, мальчишки, убей

меня бог! Что вы наделали, кого вы убили!»

Мертвый Лермонтов лежал под дождем. Много еще чего было гадкого и глумливого, и хоронить по христианскому обычаю не хотели, и Дорохов грозился разорвать священника на части, если он не займется своим делом, и царь сказал: «Собаке собачья смерть», но хочется забыть все это и помнить только начало письма современника: «Плачьте, милостивый государь, плачьте, надевайте глубокий траур, опепелите Вашу главу, берите из Вашей библиотеки «Героя нашего времени» и велите переплести его в черный бархат, читайте и плачьте. Нашего поэта нет, Лермонтов пятнадцатого числа текущего месяца в семь часов пополудни убит на дуэли отставным майором Мартыновым. Неисповедимы судьбы твои, господи! И этот возрождающийся гений должен погибнуть от руки подлеца: Мартынов — чистейший сколок с Дантеса...»

В Пятигорске два дня не играл оркестр.

Многие рисунки и бумаги Лермонтова попали к жившей по соседству случайной женщине; рисунки и этюды разорвал ее сын, когда был ребенком, а бумаги она распродала: три пуда весом по 40 копеек за пуд, в них заворачивали кренделя и калачи.

До 1855 года запрещалось печатать материалы биографии Михаила Юрьевича Лермонтова.

Но через месяц с небольшим после дуэли Евдокия Петровна Ростопчина написала «Нашим будущим поэтам»:

*Не просто, не в тиши,
не мирною кончиной,—
Но преждевременно,
противника рукой —
Поэты русские свершают жребий свой,
Не кончив песни лебединой!...*

Узнав о гибели внука, Елизавета Алексеевна упала, как срубленная. А как пришла в себя, так и стала ходатайствовать, чтобы перевезти тело внука в Тарханы из далекой кавказской стороны. Через девять месяцев ей удалось это. Собрала в одной усыпальнице дочь и мужа ее, а рядом с ними и впереди них покоился теперь ее свет очей. Прожила недолго после этого, велела похоронить себя здесь же, но места не занимать, и надгробья ее нет, только доска на стене.

Среди драгоценнейших реликвий Тархан была старинная икона Спаса Нерукотворного. Ею была благословлена Елизавета Алексеевна, когда выходила замуж. Молилась за Мишеньку своего ежедневно и уповала, глубоко веруя в написанное на иконе по-древнегречески: «Святой с нами бог». Она не уберегла, бог не уберег.

— И я ли не молилась о здравии Мишеньки этому образу, а он все-таки его не спас.

И, мятежница, приказала вынести икону, прочь от себя, в сельскую церковь. При ней рухнула семья, угас род Лермонтовых, всех собрала вместе, и сама легла рядом, все же надеясь, что где-то в лучшей жизни встретятся они и уже навсегда.

Из этих сказок, ребята, вы узнаете то, о чем обычно пишут во взрослых научных книжках. Каждая сказка приоткрывает для вас дверь в тайны мира.

Владимир ЗОТОВ

Давным-давно жил один князь. Княжество у него было большое, угодя богатые. Слуг много, богатств не счесть. Да вот беда: с моря враги то и дело набеги совершали. И построил князь десять больших кораблей. Поставил на них пушки, и стояли корабли около берега, готовые в любую минуту сразиться с неприятелем.

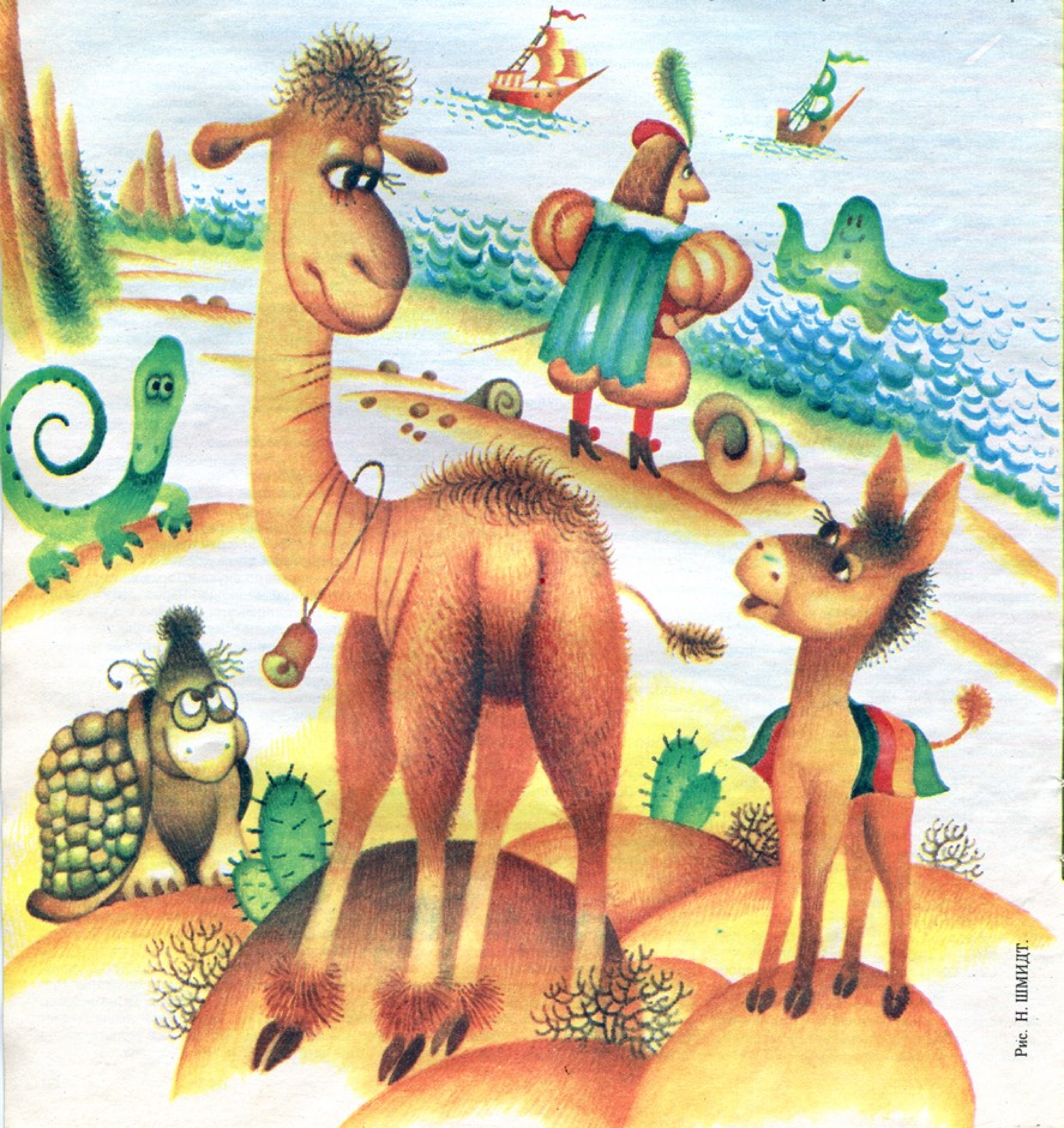
Проведали об этом чужеземцы и стали

князя побаиваться. Зажил он спокойно и беспечно.

Как-то раз, когда князь вышел посмотреть на свои корабли, выплыла из моря большая медуза и говорит:

— Уводи, князь, свои корабли подальше от берега. Надвигается страшная буря. Разобьют волны твои суденышки.

— Да что ты, медуза?! О чем ты говоришь? Посмотри, какое спокойное море

и ласковое солнце. Не верю я тебе. — Спокойствие это обманчиво, а беда слишком близко. Послушай моего совета, — сказала медуза и скры-

лась в морской глубине.

Усмехнулся князь и пошел своей дорогой.

Час проходит, другой проходит, и поднялись на море огромные волны. Разразилась такая буря, которую люди никогда не видели. Одна волна выше другой поднимается, корабли ломает, что скорлупки ореховые.

Наутро утихло море, опять солнце выглянуло. Пришел князь на берег и ... не увидел своих кораблей. Лишь обломки деревянные, как щепки, по морю плавают. Сел князь на камень и горько заплакал. Приплыла к берегу снова медуза и говорит:

— Не послушал ты, князь, моего совета, не увел свои корабли подальше от берега. Медузы не обманывают людей. Тот, кто их слушает, от беды спасается.

С тех пор князь стал за медузами наблюдать: как только они уходят подальше в море, шторм налетает. Если они у берега, море спокойное.

Построил князь новый флот, лучше прежнего. И служил он ему верой и правдой долгие годы. А все потому, что наказ медузы князь всю жизнь помнил и в закон возводил.

Пропажка

Верблюжонок выбежал во двор и встретил ослика.

— Здравствуй! Ты кто? — спросил его ослик.

— Доброе утро! Я верблюжонок, — весело ответил мальш.

— Раз ты верблюжонок, тогда почему у тебя нет горбов? У твоих мамы и папы они есть.

Верблюжонок посмотрел на свою спину: действительно, горбов не было.

— Значит, ты не настоящий верблюд.

— Самый настоящий. Мне об этом мама и папа говорили. Только я, наверное, потерял свои горбы. Что же мне теперь делать?

— Их надо обязательно найти, — посоветовал ослик. — Пойдем искать вместе, вдвоем веселее.

И верблюжонок, грустный, вместе с другом отправился в путь искать свою пропажу.

— Не огорчайся, мы обязательно найдем твои горбы, — подбадривал верблюжонок ослик.

Вдруг верблюжонок заметил на дороге ящерицу.

— Скажи, пожалуйста, ты случайно не видала в песке моих горбов?

— Нет, не видала. Но я могу отдать тебе вместо горбов свой хвост. У меня вырастет другой, — предложила ящерица.

— Спасибо, но у меня уже есть хвост.

Почему у пчел дощички шестиугольные

Жили-были три пчелки, три сестрички. Старшую из них звали Жу-Жу.

Как-то раз задумали они построить себе домики из воска.

— Стройте себе дом с шестиугольными комнатами, — советовала всем Жу-Жу. — Он будет и просторный, и теплый, и для меда места много останется.

— Трудно строить такой дом. В нем много углов и стен, — заужжали пчелы, — да и времени для этого надо много...

Никто из сестриц не послушал Жу-Жу.

Младшая сделала комнатки круглыми. Поэтому и дом у нее получился круглым. Средняя сестра построила дом с треугольными комнатками. А у Жу-Жу комнатки шестиугольные.

Лето все прожили радостно и весело. Но настала осень, подули ветры, полетели с деревьев листья.

Домик с круглыми комнатками оказался непрочным. Когда подул сильный ветер, домик покатилося и рассыпался на множество колючек.

У средней сестры домик был покрепче. Но комнатки были тесными и неудобными. Куда ни ткнешь — все в угол упираешься. Повернуться было негде, крылышки расправить неудобно.

Решили сестрицы пойти к Жу-Жу.

— Не послушали мы тебя, Жу-Жу. Не стали строить домик с шестиугольными комнатками. У тебя в комнатах просторно, тепло и нигде не дует. Можно, мы останемся у тебя жить?

— Я очень рада, что вы пришли ко мне. У меня места хватит для всех. Вместе жить веселее! — обрадовалась старшая сестра.

Так они и перезимовали. А летом каждая сделала себе дом, как у старшей сестрицы. Теперь все свой медок стали хранить в шестиугольных комнатках, которые люди называют сотами.

И если даже я свой хвост потеряю, все равно твой слишком мал, чтобы заменить его.

Друзья отправились дальше. На раскидистом дереве сидел могучий красивый орел.

— Эй, верблюжонок, — закричал он, — ну зачем тебе искать свои горбы, возьми лучше мои красивые перья, — предложил орел.

— Но я же не птица, а зверь на четырех ногах. Если я обвешусь перьями, надо мной все будут смеяться. Спасибо, добрый орел, оставь свои прекрасные перья себе.

И снова друзья отправились в путь. Солнце нещадно палило, устали ноги, очень хотелось пить.

На дорогу выползла большая коричневая черепаха.

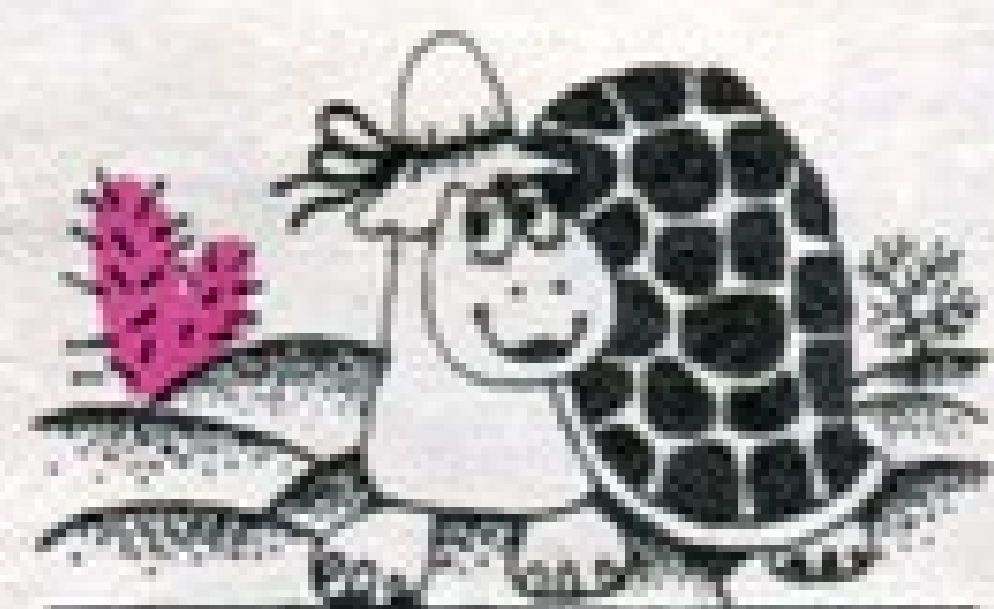
— Верблюжонок, садись на меня, — и она услужливо подставила свою спину, — я понесу тебя несколько миль, и ты отдохнешь.

— А я? — захныкал ослик. — Я тоже очень устал.

— Но вдвоем вы не поместитесь на моей спине! А тебе, ослик, стыдно, ведь верблюжонок моложе тебя, и у него меньше сил...

— Спасибо тебе, добрая черепаха, — сказал верблюжонок, — но я боюсь раздавить тебя.

Сел он на землю и от обиды заплакал. Ослик пытался его успокоить, но от жалости к верблюжонок и сам зарыдал. Он

так громко кричал «И-а», что проходивший мимо караван верблюдов замедлил ход.

— Почему вы плачете? — спросил ослика вожак, огромный двугорбый верблюд.

— Он ... горбы свои потерял, — всхлинул ослик.

— Какие горбы?

— Мои, — сквозь слезы вымолвил верблюжонок и зарыдал еще громче. — Теперь мама и папа будут меня ругать.

— Ах ты глупый верблюжонок, — улыбнулся верблюд, — у таких малышей, как ты, горбов не бывает! Они вырастут, когда ты станешь большим.

— Значит, я ничего не терял, — обрадовался верблюжонок, — и меня не будут ругать?!

— Конечно, нет, — ласково глядя на малыша, улыбнулся верблюд и лизнул его в лоб.

— Ура! У меня еще нет горбов! Значит, я ничего не терял! — радостно закричал верблюжонок.

— И-а! Мы ничего не теряли! — повторял обрадованный ослик.

И друзья вприпрыжку бросились домой.

— Когда у меня вырастут настоящие горбы, я посажу на спину ящерицу, орла, черепаху и буду их катать по пустыне, — размышлял верблюжонок.

— А я? — растерянно спросил ослик. — Разве ты не возьмешь меня с собой?

— Не печалься, — ответил верблюжонок, — мы отправимся в это путешествие с мамой и папой, и ты тоже поедешь верхом на верблюде вместе с моими друзьями.

Давайте скажем друг другу честно: люди, которым глубоко чужда рок-музыка, есть и будут. У каждого свой вкус. Но то, что мы сегодня расскажем о рок-музыке, возможно, хоть немного примирит с ней самых горячих ее противников.

Оззи Осборн

«Скорпионз»

Сеанс М

Не думайте, что я расскажу о модном сейчас лечении по телевизору. Эта история о паре сеансов непосредственного воздействия на пациентов — сразу на... трудно сосчитать по головам... семьдесят с лишним тысяч человек за сеанс. Речь пойдет о рок-лечении.

От чего может вылечить рок, еще недавно считавшийся в нашей стране болезнью, причем заразной? Рок, которому приписывались чуть ли не все болячки, найденные у «отдельных нетипичных представителей» нашей молодежи: жестокость, невежество, пьянство, кричащая мода, наркомания, проституция... От чего могут вылечить эти патлатые «бармалеи» с лужеными глотками?

От войны, от голода (это знают африканские дети), от расизма и даже от той же наркомании и пьянства. Как?

12 и 13 августа москвичи собрались на Московский музыкальный фестиваль мира, куда съехались артисты из США, Англии, ФРГ и наши доморожденные родные рок-музыканты. Вырученные за концерты деньги пойдут на благотворительные цели, прежде всего на борьбу с наркоманией по обе стороны океана.

Собирались зрители на концерт основательно: делали бутерброды, набивали рюкзаки одеялами. Десять часов рок-ролла — не шутка. Не подкрепившись, не выдюжишь.

— Далеко ль, милоч, собрался?

— В Лужники, бабушка.

— На футбол?

— На концерт.

— В наше время в трусах на концерт не ходили... Неужто пустят?

При входе на Большую

«Мотли Крю»

«Бон Джови»

«Бригада С»

«Синдерелла»

«Скид Роу»

ассовоого гипноза

спортивную арену предъявляли билеты и показывали сумки. В шортах пускали, с бутылкой нет. Еще бы — антиалкогольное и антинаркотическое мероприятие. Ухитрившись пронести «горючее» милиция выводила безжалостно. Кстати, такого количества блюстителей порядка я никогда не видела. Но их присутствие, к удивлению, не угнетало. Особенно внушительно выглядели американские крепыши в кепках «Бон Джови». Их было немного, у самой сцены. Достаточно встретиться с таким молодым взглядом, чтобы почувствовать себя потенциальным нарушителем и отойти подальше. А дальше, на поле, хочешь стой, хочешь падай, сидеть тоже можно, и загорать можно, и есть, и танцевать, подпевать, скакать и прыгать, радоваться жизни. Все можно. А главное — слышать и видеть знаменитых во всем мире музыкантов: Оззи Осборна, «Скид Роу», «Синдереллу», «Бон Джови», «Мотли Крю», «Скорпионз». Поначалу вслушиваешься и всматриваешься, слегка подергивая ногой, потом пританцовываешь уже двумя, но спина еще скована, и вот уже хочется поднять руки,

хлопать, делать «козу», настроение резко летит вверх, но мозг работает критически: еще в состоянии посмотреть на себя со стороны, не глупо ли это будет выглядеть? Вдруг понимаешь, что всем не до тебя, с другими сейчас происходит то же самое. «Скорпионз» снимает последние следы оцепенения. Всеобщее ликование непохоже на сумасшествие: просто к людям возвращается детство. Стадион мерцает огнями. Это свечи и бенгальские огни. А потом еще фейерверк и группа «Бон Джови». Под «Бон Джови» танцуют — танцуют все.

Праздник получился. А как с лечением? Все

в порядке. На лечение алкоголиков и наркоманов эти веселые парни с гитарами, а также десятки тысяч тех, кто им подпевал и подтанцовывал, заработали кругленькую сумму. Причем

в твердой валюте, которую платили зарубежные телекомпании за право трансляции концерта по всему миру. А если отвлечься от денежных подсчетов, можно прийти к неожиданному выводу: сеанс музыкального гипноза помог нам восстановить утраченное было значение слова «нельзя». Слово, которое мы с детства слышим так часто, что оно потеряло смысл. Вернее, поменяло его с точностью наоборот. Тотальный запрет рождает привычку к его нарушениям. Если все нельзя, то все можно. А вот если можно отращивать длинные волосы,

можно орать в микрофон, можно прыгать по сцене и если после всего этого можно называться не хулиганом, а артистом, причем знаменитым, то...

...То из уст этих артистов пресловутое слово «нельзя» звучит неожиданно убедительно: нельзя убивать, травить себя и других наркотиками, а природу — отходами научно-технического прогресса.

Ну а чудачком быть можно. Особенно если ты талантлив и к тому же настоящий профессионал сцены...

Ирина МОРСУНОВА

Фото Е. МАТВЕЕВА.

ЕЙ ВО ВРЕД ЖИВ

«Ой, лышенко! Рятуйте мене! Рятуйте!» — закричала Вера Ивановна, хоть никто ее не услышал, потому что закричала она не вслух, а про себя. «Вот же! Кричу! — подумала. — Ненормальная, что ли?»

Вера Ивановна боковым зрением посмотрела на библиотекаршу, проверяя, не заметила ли та, что она про себя кричит. Но та смотрела мимо Веры Ивановны, и глаза ее помаргивали часто и подобострастно. Именно помаргивание библиотекарши вернуло Вере Ивановне самое себя, и она сказала голосом, каким говаривала всегда первого сентября на первом уроке, — звонко и уверенно:

— А я думала, ты умерла. Ты ж была страшная, как мертвяк... Кожа да кости.

— Выжила, — ответила Эля.

«Да что ж это такое? — снова без звука закричала Вера Ивановна. — Да что ж это такое, господи? Чего я кричу? Что я, виноватая, что ли? Что мне ее жизнь или ее смерть? А раз она оказалась живая, то совсем хорошо. Я не монстр какой, чтоб радоваться, что человек живой, а не покойник...» Но именно на этом месте Веру Ивановну и подстерегал внутренний крик, из которого сам собой делался вывод: хорошо бы быть Эле мертвой.

Надо было быстро, в одну секунду, мобилизоваться. Надо было, чтоб ни Эля, ни подслеповатая библиотекарша ничего не заметили.

Каждый человек имеет в запасе свою спасительную молитву на все потрясения. Была такая молитва и у Веры Ивановны. Она мигом собирала вокруг себя все хорошее в своей жизни — людей, вещи, события. И плохое сквозь хорошее не проходило. Набиралось приличное количество хорошего, что свидетельствовало о том, что жизнь Веры Ивановны была добропорядочной, упорядоченной и правильной, и сейчас, глядя прямо на Элю — тьфу, тьфу, тьфу! — Вера Ивановна быстренько стала творить свою молитву.

«Дом у меня — полная чаша! — беззвучно бормотала Вера Ивановна. — Коля меня только Веруней, Веруней... Сто тридцать два рубля пенсии у меня без всякого выйдет... Я синтетику, не считая колготок, уже лет десять не ношу... «Лада» у нас как с картинки... И на черный день копеечка... По городу иду, все: «Вера Ивановна, Вера Ивановна!» На Восьмое марта без подарков никогда не живу... Дочка пять лет на Кубе, туда-сюда самолетом и по-испански, как по-русски... И сын учится дай бог каждому, на фестивале был делегатом... Два раза по телевизору показывали... «У вас дети, Вера Ивановна, со Знаком качества», — все говорят. Да захоти она сейчас куда поехать или что купить, Коля одно: «Веруня, твое дело... не препятствую...»

Хорошая жизнь, как пригнанный штатетник. Ни одна чужая собака не заскочит. Нечего кричать и паниковать. Со всем это зря глупое: «Рятуйте!». Нечего рятовать. Это у нее от неожиданности. Она действительно не ожидала Элю увидеть. Сколько это они не виделись? Лет, считай, тридцать пять... Она и думать про нее забыла, что была такая Эля... Эльвира Зайцева. А вот сердце ее чуяло, что не надо ехать в этот санаторий. Она Коле так и сказала, а он сразу свое, привычное: «Не надо, так и не надо. Не неволю...» Потом подумалось: а почему не поехать? Ведь то, что «сердце что-то там чуёт», не причина и причиной быть не может. Мало ли что покажется. Это давление. Нервы. Профессиональная, можно сказать, болезнь. Попробуйте сейчас поработать в школе. И она сказала: поедем! Чего это ради я в чем-то себе должна отказывать? И поехали. И так удачно добрались, все им было под ноги — и самолет, и машина. И номер дали с видом на море, и у одеял оказался любимый ее цвет — бирюзовый. Вышла на балкон, стала дышать открытым ртом, не воздух — вино. Поцеловала Колю. «Хорошо, что приехали».

В столовой их тоже хорошо посадили, можно сказать, на лучшие места.

За соседним столом сидела женщина. Вера Ивановна в первый же день отметила: какая невидная. Волосешки гребешком прихвачены, редкие такие волосешки. У Веры Ивановны всегда первый взгляд — на волосы. Потому что с этим у нее не просто хорошо — замечательно. До сих пор грива и ни одной сединки. Хоть вверх подымай, хоть по плечам спускай — есть что. А эта сидела скукоженная такая женщина с гребешком на темечке и в больших, как мотоциклетные, темных очках. И ела она нелепо, к тарелке наклонялась, считай, носом, а ложку несла ко рту осторожно, медленно, как на далекое расстояние. Вера Ивановна тут же Колю в бок толкнула. «Смотри, как чудно ест...». «Близорукая», — глупо ответил Коля, и она на него рассердилась. «Думай, что говоришь. Если человек близорукий, зачем тогда очки черные?! Почему ты всегда говоришь не думая?»

А это была Эля. И они ходили друг мимо друга, пока в библиотеке на столе Вера Ивановна не увидела книжку, на которой буквами вразброс было написано: «Эльвира Зайцева».

— Это что за Эльвира? — сказала Вера Ивановна, насмешливо беря книгу. Она всех писателей, которых надо знать, давно знала. Она принесла сдавать Юлиана Семенова, которого читают все, и Паустовского, которого читают любители природы. Поэтому она так и сказала насмешливо: «Это что за Эльвира, которую я вдруг не знаю?»

Библиотекарша сделала почему-то

круглые испуганные глаза и посмотрела куда-то в сторону. Вера Ивановна что-то почувствовала, повернулась, и из-за стеллажей вышла эта неказистая, с гребешком на темечке, каким-то оскорбительным — это точно — для Веры Ивановны жестом сняла мотоциклетные очки и сказала:

— Это я Эльвира Зайцева. А ты Вера. Я все время смотрю на тебя и думаю, ты или не ты? А сейчас поняла — ты...

Вот тут Вера Ивановна и закричала «рятуйте». И стала быстренько проводить ревизию собственной хорошей жизни, чтобы победить существование этой самой Эльвиры.

— А я думала, ты умерла, — сказала Вера Ивановна, и библиотекарша посмотрела на нее с ужасом, бормоча: «Что вы такое говорите, женщина, что вы такое говорите?»

Эльвира же в упор разглядывала Веру. Жадно так разглядывала, будто она, Вера Ивановна, редкая картина, до которой ее наконец допустили. И уж все на этой картине хочется рассмотреть: и складочки на платье, и морщинки на лице, и раму, и гвоздик в стенке, на которой картина повешена.

Вера Ивановна просто дернулась от такого разглядывания, хотела сказать что-то резкое, она человек прямой и резкий, но Эльвира сказала раньше:

— Вот ты какая, значит... не могла тебя представить. — И продолжила: — Пойдем, посидим.

Они вышли из библиотеки и сели на лавочку.

Вера Ивановна всегда знала, зачем она что делает. Сейчас она не знала, зачем она сидит на лавочке. Она смотрела на часы и на ротондочку, что прилепилась к кудлатой горе, слушала, как стучит мяч на корте, и тупо думала: «Зачем?»

Они появились в их поселке во время войны — женщина и девочка. Беженцы из Ленинграда. Вернее, не так. Женщина и девочка отдохали где-то на юге, началась война, они отчаянно ринулись домой, но не доехали.

Отбросило их военной волной назад, и они оказались в их поселке. Без всего. И на зиму глядя. Мать и дочь. Постучали к ним в дом. Мама-покойница была очень смелая женщина. Ночь не ночь, открыла. А надо знать то время... Было безвластие. Наши уже ушли, немцы еще не пришли. Люди с топорами спать ложились, потому что бандитизм пошел страшный, потому двери не открывали, а мама тогда пошла и открыла и пустила их. Ну, правда, без всяких там нежностей. На пороге оставила, дальше ход загородила.

— У меня свой ребенок, женщина, — сказала она твердо. — Куда мне еще

УЩАЯ

Галина ЩЕРБАКОВА

РАССКАЗ

(Журнальный вариант)

ваша? — Это на просьбу приютить хотя бы девочку.

Категорически отказала, но совет дала. Пока еще не зима, сказала, деваться вам некуда, занимайте, мол, брошенный цыганами саманный домик. Она даже не побоялась ночью ее проводить. Взяла свечку, спички, хлеба, огурцов и повела.

А на следующий день мама пошла уже с ней, с Верой. Понесла старое одеяло, подушку. Эти забились в угол кухоньки самого крайнего домика. Здесь чудом осталась цела печка и сохранились внутренние ставни. Оглядела мама весь участок земли вокруг домов, прошла туда-сюда и нашла им дверь. Дверь валялась в грязи, ручка у нее была оторвана, а петли кто-то выковыривал, выковыривал и бросил.

— Навесите, — сказала мама, показывая на дверь.

— Как? — прошептала женщина. Она за мамой ходила, как лунатик.

— Руками! — закричала мама. — Вы кто такая будете?

— Ольга Николаевна Зайцева, — тихо ответила женщина.

— Да зачем оно мне, ваше имя? — совсем возмутилась мама. — Я с вами ручкаться не собираюсь. Я в другом смысле. Дверь я вам указала. Кой-где в других хатах стекла остались. Выньте. И живите пока, раз такое дело.

— Но я сама не сумею, — прошептала женщина.

— Ой, ой! — ответила мама. — Зачем только такие люди на свет рождаются. Безрукие...

Ольга Николаевна стояла, опустив голову.

— Ладно, — сказала мама. — Я пришлю вам Федю.

И они пошли с Верой к Феде. Феде-плотнику. Дети его боялись и дразнили, Вера сама не раз убегала от него. Конечно, убегала — сильно сказано, потому что ходил Федя на корявой деревянной лапе, ремнями подтянутой к колену. Глупы они были, дети. Но им нравилось залечь у Феде на огороде и кричать оттуда: — Федя-беда курага, деревянная нога.

Поэтому Вера в дом к Феде не пошла, осталась на улице. Мама же сходила, поговорила, вернулась и сказала Вере:

— Оно мне надо, чужое горе? Но такой я человек...

А потом выяснилась страшная вещь. Так мама сказала бабушке:

— Скажу тебе страшную вещь...

Будто бы эта Ольга Николаевна заплатила Феде за навес двери тем, чем платит женщина, когда у нее ничегошеньки нету. А Эльвиру в этот момент она отправила — это ж надо, какая изворотливая! — нарвать цветочков в степи. Дите пошло, а какие цветочки в ноябре? Полюнь засохшая да лопухи квелые, коровами писанные. Ходила эта дурная девочка по полю, люди со своих дворов смотрели и только руками разводили. Какая же у нее мать. И в шурф ребенок может провалиться. И опять же цыгане. Опять курится у них табор под боком поселка. Чего им стоит скрасть ребенка, а потом продать? При этих словах и мыслях мама

хватала Веру и изо всех сил прижимала к своей груди.

Пришли немцы.

Еще вечером никого не было, а утром их собачий язык уже повсюду. Пошли по домам, расселяться.

И в их «зале» появился рыжий толстый Курт. Пришлось им сбиться в одну комнату, и тогда мама сказала бабушке с бабушкой:

— Нечего ждать. Перейдете в саманный домик к этой... Печка там топится. Стекла вставили.

— Там же пол земляной, доча,— ответила бабушка.— Как бы не прихватил ревматизм...

— Эта ж живет с дитем малым! — закричала мама.— А тут мы за ночь весь кислород выдышываем. Одно бздо остается...

Короче, переехали старики к Ольге Николаевне. С маминой легкой руки, и другие домики пустыми не остались. Уже зимой во всех саманках жили.

Ольга Николаевна и Эльвира так и занимали кухню. Был у них деревянный топчан, сделанный тем же одноногим Федей. Табуретка, на которой они ели. Мама, когда стариков переселяла, подбросила им этажерку со сломанной балясиной. Чайник заварной отдала без крышки. И какое-никакое тряпье. Но скоро выяснилось, не нужно им было мамино добро, потому что Ольга Николаевна пошла работать в управу машинисткой.

— Мне ребенка кормить надо,— твердо сказала она маме.

Маме очень не нравилось, что бабушка с бабушкой Ольгу Николаевну не только не осуждали, но вроде бы как понимали и сочувствовали. Мама как-то не уследила, видит, а старики из одного полумыска с Эльвирой кулеш едят. Полумысок мамина. И пшено ее.

— Откуда у вас сало? — спросила мама.

Сало она старикам не давала, считала, что им оно не по возрасту. И не ко времени.

Мама так говорила:

— Сейчас питать надо в первую очередь детей и среднее поколение. Тех, кому оставаться. А старики должны иметь соображение...

Своим чередом шла война. Менялись немецкие постояльцы. По их настроению угадывали о том, что было на фронте. Увели евреев. Открыли школу. Вера и Эльвира сели во втором классе за одну парту. Вечером в саманном домике они клеивали в учебниках портреты вождей. Бабушка крестилась, глядя на это дело. Дедушка вздыхал. Ольга Николаевна вырезала из бумаги квадратик.

— Девочки, мажьте по самой-самой кромочке... Ах, Эля! Ну зачем ты клеишь середину, смотри, как аккуратно делает Вера.

Так жили... Был еще Федя-плотник.

— На черта он ей теперь нужен? — смеялась мама.— У нее ж теперь небось офицеры, зачем ей инвалид?

Никаких офицеров Вера не видела, а вот как приходил Федор с деревянным ящичком, в котором лежали все его инструменты, это видела не раз.

Обходил домик, смотрел, где что надо сделать. Утеплял.

— Ну что,— спросила мама, встретив его на улице,— прошил дорожку?

Молчал Федор. Ширк-тырк деревянной ногой, действительно как прошивал. Очень это маме не нравилось. Однажды вечером, уже зимой, когда немцы гуляли на своем рождестве, мама крикнула Федору с крыльца:

— Зайди!

Зашел. Видела Вера, шел Федя неохотно, как наказанный.

— Чего ты, Нюся, пристаешь? — сказал он тихо, чтоб Вера не слышала, а она услышала и уже не отлипла от притворенной двери.— Ну чего тебе надо?

— А чем же она тебя приворожила? — тонко закричала мама.— Какой такой травой-муравой? У тебя ведь смолоду другой был интерес...

Как он засмеялся! Жизнь прошла, помнит Вера Ивановна этот его смех — грубый, злой, аж свистящий. Отсмеялся и сказал:

— А ты че, Нюся, задний ход даешь? Или?..

Мама, как курица от кошки, захлопала крыльями, запетушилась:

— Ой! Ой! Ой! Сказал! Я не такая, Федя, не такая, чтоб задний ход давать. Мне просто за тебя обидно, что ты принципиальный...

И тут Федя так заматерился, что Вера от двери отпрянула, покраснела и уши руками закрыла. А когда открыла, то Федя стучал деревяшкой на крыльце, а мама рыдала в голос. Вера испугалась, кинулась к ней, а мама кричала:

— Не будет ей счастья, сроду не будет, помяни мое слово, не будет ни ей, ни Эльке этой шелудивой!

Ничего не поняла тогда Вера, с мамой такого не было, чтоб вот так она плакала. Но мама вскоре сама все и объяснила:

— Ты, дочка, уже не маленькая. Знай. Этот Федя... Он смолоду, когда еще с обеими ногами был, ухаживал за мной. Я семилетку кончала и замуж за него собиралась, а тут этот проклятый паровоз его переехал. Ну подумай... Зачем мне одноногий? Я ему так и сказала. И вышла за папу. Федька руки на себя накладывал, но я этого не понимаю. Нет же такого закона, чтоб заставлять человека жить с одноногим. Я ж нормальная, я просто красивая, можно сказать, была. И люди не осуждали меня, потому что своей волей за калеку никто не пойдет. Жизнь одна у человека, и чего ж это себя обрезать? Я ему по-человечески: как тебе не стыдно петлей пугать родителей? Они ведь ко мне прибежали, мать его передо мной упала. Не бросай, говорит, я тебе ноги буду мыть и воду пить, у меня, говорит, кольцо есть червонного золота и сережки золотые, все твое будет, а Федю, мол, выучим на умственную работу, счетоводом там или бухгалтером. Будет всегда в чистом, интеллигентней...

Я им ответила: «Извините, не надо мне вашего золота...» А теперь — видишь? Это же я надоумила позвать его дверь навесить. Он же на этом не остановился. Эльке валенки подшил. Ольге зимнее пальто

справил. За те самые, что мне причитались, сережки. Мать его перед смертью их из ушей вынула, кольцо сняла и сыну все отдала. «У тебя,— сказала,— хватит ума с этим меня похоронить». Так он продал сережки для этой. Ты запоминай, доча, запоминай, какие люди на свете есть...

А Ольга Николаевна и Элька так и жили вместе с бабушкой и дедушкой. Получалось, что вся их жизнь была на виду у Веры. И хоть мама настаивала, чтобы старики «с этими» дела не имели, как его не будешь иметь, если одна печка? А Ольга Николаевна так и продолжала их прикармливать. Старики же то, что им перепадало, сами не съедят, Верке оставят. То кусочек маслица, то гороховый концентрат. Клубком, получается, жили. Федя, к примеру, сделал мельницу. Камень очень хороший нашел, мука получалась, как довоенная. Мама ходила молот. Придет с зерном к Ольге Николаевне, без здарсьте.

— Я молотью...

— Пожалуйста.

Мама мелет, аж искры летят. Опять же — никаких там спасибо. Мама считала, что они ей по гроб обязаны и за саманный домик, и за чайник, и за этажерку. И за Федю!

Какая была Элька? А никакая. Забитая. Не в том смысле, что ее кто обижал, а в том, что у нее природа такая. Все молчком, молчком...

— Ох, и хитрая дытына! — говорила мама.— Я этих молчаливых насквозь вижу. Так и жди от них чего-нибудь, так и жди...

Вернулись наши. Засобиралась Ольга Николаевна в Ленинград. Дедушка с бабушкой в слезы, а потом говорят маме:

— Доча, дай им, пожалуйста, наш чемоданчик фибровый, а то им ехать не с чем.

— Да вы что? — сказала мама. — Чего это ради?

Федя принес им свой деревянный. На нял у цыган подводу, отвез на станцию. Назад ехал, мама ему из ворот крикнула:

— Чего ж они тебя не взяли?

Федя даже головы не повернул.

А через месяц вернулись...

Все у них в Ленинграде разбомбило, никого из родных не осталось, да и вслед им письмо кто-то послал, что работала Ольга Николаевна в управе. Что там было и как, неизвестно, только пришлось им вернуться. Умер дедушка, а они так и жили с бабушкой. Папа тогда уже с фронта пришел, мама забеременела Мишкой, потом голод был, в сорок седьмом. Мама стала худая, синяя, а Мишка был бутуз ничего себе. Ольга Николаевна, Элька и бабушка давно только из одного котла и ели, а то и Федя с ними. Ширктырк — ходил он к ним, и все чего-то несет, то съестное, то из одежды.

Сначала Ольгу Николаевну на работу не брали. Из шахтоуправления звали

иногда кое-что перепечатать, но неофициально. И она пошла работать уборщицей, ну а потом кто-то из начальников решил, и ее приняли по специальности. Но потребовали: «Докажите, что ничего не делали при немцах против народа». И Ольга Николаевна пошла по домам собирать подписи, что народ против нее ничего не имеет. И некоторые люди, конечно, засомневались: «А что мы знаем? Мы там были?» Но все-таки большинство — жалко, что ли? — подписало. Бабушка аж печатными буквами написала свою фамилию, за что мама ее сильно отругала.

— Удивляюсь тебе, — сказала. — Удивляюсь! Ну, другие — идиоты. А ты что своим умом думаешь? Да за одно сожительство с Федором ее надо сослать в Сибирь. Какой пример молодежи?

К маме Ольга Николаевна за подписью не пришла, а Вера знает: мама тогда ждала. На каждый собачий «гав» выскакивала, когда Ольга Николаевна шла по их улице. А та возьми и пройди мимо со своим листком из тетради по арифметике. Ой как мама зашлась! Папа ей: «Охолонь да охолонь!» Мама же кричала: «Я ей сказать хотела! Я ей все сказать хотела!» И мама сказала отцу, потому что горячие

слова жгли ей нутро, и не скажи она их, неизвестно, чем бы это для здоровья кончилось:

— Ишь как присосалась к жизни! А если бы не я, что с ней было бы? Кто ее за руку под крышу отвел? И меня же обошла. Знает, что никаких подписей я не поставлю. Я спрошу: а как у тебя совести хватило идти в управу? Есть нечего? А ты не ешь! Бывало, люди не ели. Те же ленинградцы. Но она, видите ли, хотела есть! Этого я ей не прощу никогда!

— Что есть хотела? — засмеялся папа.

— Ты дуру из меня не делай! — закричала мама. — Но я не желаю дышать с ней одним воздухом. Нет такого закона, чтоб на одной земле нам жить!

Вера с Элькой подрастали.

Незаметно вроде, а пришел девятый класс и стали их с Элькой принимать в комсомол. Ну, Веру — единогласно и без всякого. А вот Эльку...

Накануне мама сказала папе:

— Разве ж можно нашу Веру с ней сравнить? У Веры биография незапятнанная, отец фронтовик, а что мы про Эльку знаем? Мать служила в управе, про отца вообще никакой ясности. Может, он тоже предатель. Разве ж можно им давать одинаковый старт, девчонкам? Это и нечестно, и несправедливо. Что там в школе думают?

Вера не собиралась выступать, она даже тогда не знала, умеет ли это делать, но когда подняли Эльку и та встала перед классом, вся такая побледневшая, и губу до крови закусила, Веру как кто-то с места сдунул. И она подняла руку и сказала, аж дрожа от никогда ранее не испытанного восторга борьбы за правое дело:

— Зайцеву Эльвиру принимать в комсомол нельзя, потому что у нее плохая биография. Мать ее служила в управе, а отца никто не знает. И вообще...

Все на нее тогда глаза вытарасили и смотрят, и ничего не говорят, и в первую минуту Вера вдруг почувствовала жгучий, просто нестерпимый стыд, хоть умирай, но тут вскочил представитель райкома комсомола и сказал:

— Молодец, Вера! Предостерегла нас всех от вопиющей ошибки...

А Элька возьми и рухни. Стояла, стояла и рухнула. Схватили ее, отнесли в учительскую, привели в чувство, но проголосовали единогласно против.

Все тогда на Веру смотрели так, будто первый раз увидели. Да она сама замерла от удивления перед самой собой. Будто раскрылось в ней что-то и выпростался новый человек — смелый, решительный, со звонким голосом. Голос этот сразу взяли в работу, и не было вечера, концерта или собрания, чтобы она его не вела, постоянно объявляющая.

С того дня она к бабушке ни ногой. Даже мама, сначала довольная, потом ее не всегда понимала:

— Укроп вполне можно сходить и нарвать, принципы твои не пострадают.

Вера только шеей дернет. А Элька с того дня в школу не ходила, лежала дома. Что у нее — никто не знал. Ольга ходила с черным лицом, бабушка плакала

и смотрела на Веру так, что маме пришлось ей строго сказать:

— Ты что на ребенка смотришь, как на врага? Она твоя внучка, а не Элька. Так странно, что тебе приходится об этом напоминать.

А потом пошел слух — у Эльки скоротечная чахотка. Кожа и кости остались. Мама сказала бабушке:

— Не ходи к нам. У меня дети, а ты можешь принести палочку Коха.

И снова засобиравшись Ольга Николаевна уезжать. На этот раз и Федя с ними. У Веры было тогда много своих дел, захватила ее общественная жизнь, то вечер надо готовить, то по домам отстающих пройтись, то школьную газету выпускать, у нее стал проявляться интерес к литературе — она писала стихи к датам. Но надо же тому случиться, что столкнулась она на дороге с этой подводой, на которой те уезжали. И не вспомнишь сейчас, чего это она оказалась на развилке, ведущей к станции. Получалось — вроде ждала. А не ждала, в мыслях не держала. Элька лежала на соломе, как покойница, ногами вперед. Рядом с подводой шли Федя и Ольга Николаевна. А цыганенок кучер сидел, свесив грязные ноги, и смотрел на торчащие лошадиные кости. Вера, когда сообразила, кто прямо на нее едет, хотела метнуться, а куда? Так они приближались, и Вера подтянула живот и почему-то успокоилась, потому что вот какие мысли пришли ей в голову. Эля умрет, это все говорят. Но ведь лучше смерть, чем жизнь с такой биографией! Сейчас подъедет подвода, и Вера посмотрит в глаза Эле подбадривающе и ободряюще. Если бы не Ольга и Федя, она бы даже ей сказала: «Элька, в твоём случае смерть лучше!» Поэтому Вера даже двинулась в их сторону, считая, что ее поступок будет хорош и благороден, ведь она не погнушалась, а проводила Эльку в последний путь.

И тут ей наперерез с палкой, взятой в руки так, что не могло быть сомнений, что ею собираются делать, пошел Федя, одетый в два пиджака сразу и в ботинок с галошей, хотя было тепло и сухо.

— Не надо, Федя,— тихо сказала Ольга Николаевна.

И Федя так скрипнул зубами, что цыганенок обернулся, а Вера закричала и побежала прочь, продолжая кричать, пока не упала маме на грудь, не рассказала ей, как замахнулся на нее Федя, и если бы она не убежала, он бы ее, Веру, если и не убил, то покалечил бы наверняка.

Рванулась мама с места, схватив кнут, которым гоняли коз в стадо, просто полетела к дороге.

Что там было — неизвестно. Только с этого дня у мамы случился тик. Нет-нет, а задержается глаз, и ничто его не остановит, пока сам не усмирится. Мама тогда закрывала его ладонью и смотрела на мир одним глазом зло и гневно, и каж-

дый раз Вера в такую минуту вспоминала Федю, даже не его самого, а его ногу в ботинке и галоше, вроде бы как парадную ногу, обутую для какой-то другой жизни.

— Черт с ними, и слава богу,— сказала мама.

Прежде всего она сделала в саманном домике дезинфекцию. Тряпье какое осталось — спалила.

— Живи теперь в чистоте,— сказала бабушке, а та все плакала, плакала и все письма ждала. Сидела на лавочке и ждала. Только, конечно же, никто ей не написал.

А у Веры все пошло и дальше хорошо. Окончила школу, потом институт. Замуж вышла очень удачно. Мама говорила:

— Вера, это нам за честную жизнь кто-то ворожит. Своего не отдавали, но и чужого не брали.

Мама в старости очень полюбила эту тему.

— Я так думаю — все не равны. Есть которые заслужили хорошую жизнь, а которые нет. У Веры моей и у сына дома полная чаша, потому что они сразу были поставлены на правильную дорогу...

— Ах, перестань, мама,— говорила ей, смеясь, Вера.— Ты как начнешь про дорогу...

Мама обижалась и замолкала. Ходила по Веринной квартире, руками все нежно трогала, тряпочкой невидимые пятнышки оттирала.

Когда отец умер, Вера хотела забрать маму к себе, но мама как отрезала:

— И не думай! Хозяйкой всю жизнь была, хозяйкой умру. Сама положу, сама возьму.

Бог дал ей легкую смерть, во сне. И Вера, перебирая вещи в мамином доме после похорон, думала о том, что права была мама, говоря о том, что все получаешь по заслугам. Хорошую она прожила жизнь. Ходила по улице прямая, строгая, в глаза людям смотрела не отрываясь. Не все даже этот взгляд выносили, отворачивались. Вера потом уже своей дочке стала говорить:

— У тебя, доча, все будет хорошо, если будешь жить по-честному... Мы такая семья...

Нет, Веру не собьешь. У нее потому и жизнь кристальная. Когда ей исполнилось пятьдесят лет, ей так и написали на глянцевой бумаге. И вечером она сказала мужу:

— Вот знаешь, Коля, может, оно и не совсем удобно так про себя, но я тебе скажу: все, что тут написано,— чистая правда. Разве нет?

— Конечно, Веруня,— тихо и ласково ответил Коля.— Ты настоящий человек.

Вздернула Вера гривастой головой: воистину настоящий. Жизнь прожила, как песню пропела. «Не прожила, не прожила, не прожила»,— себя же поправила. Какие годы — пятьдесят лет? Самое, самое... Дальше может быть только лучше. Болезни, старость — глупости. Ничего

этого у нее не будет. Она до конца будет на ногах и умрет ночью, как мама. Как праведница...

Сейчас Вера Ивановна сидела на лавочке, ощущая боль в позвоночнике. Верный носитель ее крупного тела как-то враз, застонал от тяжести, просто требовал, чтобы она легла. Но уйти было невозможно. Ее держала эта женщина с плохими волосами, с нездоровым цветом лица, вся согнутая под широкой вязаной шалью. И смотрела она на нее так, будто хотела разглядеть в ней что-то ей одной желаемое. А она, Вера Ивановна, вместо того чтобы сказать: «Что это вы на меня уставились?» — истончалась, истончалась, превращаясь в предмет простой и прозрачный, видимый насквозь. И еще вдруг выяснилось: Вера Ивановна, оказывается, держала в руках эту проклятую книжонку, из-за которой все началось. И теперь она не знала, что с ней делать.

— Про что пишешь? — спросила Вера Ивановна неестественным голосом.

— Про наше с тобой детство,— ответила Эля.

«Ай!» — мысленно вскрикнула Вера Ивановна и опять рассердилась на себя.

— Как интересно! — сказала она и открыла книгу.

Опершись культей на деревянную ногу, стоял на титульном рисунке Федя-инвалид. И в руке его была занесенная над Веринной головой палка...

Вечером, неожиданно для администрации санатория, уезжала пара.

— Ну что? Что? — нервничал директор.

Вера Ивановна пожала плечами. Такое просто сделала движение, но ломило плечи, как при гриппе.

Муж ничего не понимал. Но раз Вера Ивановна сказала: «Ноги моей тут не будет», то уж и обсуждать нечего. Коля нес за женой чемоданы, мысленно доигрывая неоконченную партию в шахматы.

Вера же Ивановна не думала ни о чем. Спугнутые с насиженных мест мысли билась в поисках выхода, мешали друг другу, родилась злость, потом паника, потом ненависть, потом возмущение миром, в котором царствует несправедливость.

— Сволочь одноногая,— тихо сказала она.— Ах ты, сволочь.

— Да уж, да уж,— ответил Коля.— Холодает... Год на год не приходится.

Хотелось ударить мужа, ударить сильно ногой, ударить гложущего и слабого, не могущего изменить ни обстоятельств времени, ни обстоятельств места, ни обстоятельств действия. Может, из-за таких бесхарактерных и безвольных, как он, и жила на свете та, которой правильнее было бы умереть в цыганской подводке?

Кто ж еще смел наворожить Эльке жизнь? Кто?

Рис. Е. ФЛЕРОВОЙ.

ВАМ НЕЗДОРОВИТСЯ? ПЕРЕСТАВЬТЕ СВОЮ КРОВАТЬ

Мудро высказался шекспировский Гамлет: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

Оказывается, существуют участки Земли, вредно действующие на наше здоровье. Экспериментально доказано, что вся Земля, словно меридианами и параллелями, разрисована геобиологической сеткой так называемых «линий Хартмана», проходящих с севера на юг на расстоянии около 2 м друг от друга, и с востока на запад — через каждые 2,5 м. Таким образом, наше жилище, рабочее место, огород поделены на невидимые прямоугольники 2 x 2,5 м, ограниченные четырьмя «углами» — местами пересечения линий. Люди, существенную часть своей жизни проводящие на этих «перекрестках», рано или поздно хронически заболевают, у них развиваются постоянные головные боли, бессонница, ухудшение памяти, скачки давления, ревматизм, даже туберкулез и онкологиче-

ские заболевания. Сущность явления пока не выяснена, да нам с вами она и ни к чему: главное, как определить эту сетку!

По рецепту болгарского специалиста И. Милева, привяжите на нитку массивное кольцо или груз (из немагнитного материала) такой формы, чтобы можно было наблюдать его вращение. Сам Милев пользуется крупной янтарной бусиной, можно использовать также медный браслет. Сначала обследуйте кровати и рабочее место, медленно поведите над ними своим прибором. Попав на линию Хартмана, груз начнет раскачиваться, а в перекрестии придет во вращение. Внутри сетки он неподвижен. Поскольку все нитки крученые, перед началом работы нужно дать вашему прибору прийти в равновесие — пусть повисит, пока не успокоится. Ваши кровати и письменный стол должны стоять внутри прямоугольника, не попадая на линии и тем более — на перекрестия. Таким же образом обследуйте все свое жилище, огород, помещения для домашних животных. Исследование проводите в сосредоточенном, спокой-

ном состоянии, отключившись от забот. Может не сразу получиться, повторите опыт в разные дни и разное время суток. Присмотритесь к поведению домашних животных: собаки никогда не ложатся на «перекрестках» (стараятся остаться внутри прямоугольника), а кошки — наоборот.

Если в вашей местности есть лозоходец, умеющий с помощью рогульки или рамки разыскивать места, где нужно рыть колодец, обратитесь к нему за помощью: выявите сетку и заодно узнаете, не расположен ли ваш дом на подземном потоке. Спать в «русле» такого потока, а особенно в месте слияния двух жил подземных вод, так же вредно, как и на перекрестии линий Хартмана.

Некоторые ученые говорят, что можно нейтрализовать вредное влияние пересечения линий, если положить под кровать на перекресток зеркало стеклом к полу, мраморную пластину, ящичек с глиной, даже несколько плотных связок чеснока или лука. Хорошо помогает и та самая пирамида, о которой уже шла речь в № 9 «Крестьянки».

БОЛЯТ ЗУБЫ? СНИМИТЕ СЕРЕЖКИ

Казалось бы, невелика проблема: проколола себе мочку уха и вдела сережку... Дело, однако, не такое простое. Взгляните на рисунок: на мочке уха находится 11 точек, связанных с глазом, зубами, языком, мышцами лица, внутренним ухом. Неудачный прокол может задеть такую точку и вызвать раздражение связанного с ней органа. А если дужка сережки сделана не из благородного металла или спаяна с другим металлом, раздражение может оказаться длительным, в результате ухудшается зрение, болят зубы. Поэтому прокол нужно делать только в свободном от активных точек пространстве (оно заштриховано на рисунке).

Некоторые западногерманские врачи советуют во избежание неблагоприятного влияния на печень или желчный пузырь носить серьги не более трех часов в день и обязательно снимать их на ночь. А детям и подросткам они вообще не рекомендуют прокалывать уши — пусть сначала подрастут!

По материалам советской и зарубежной печати.

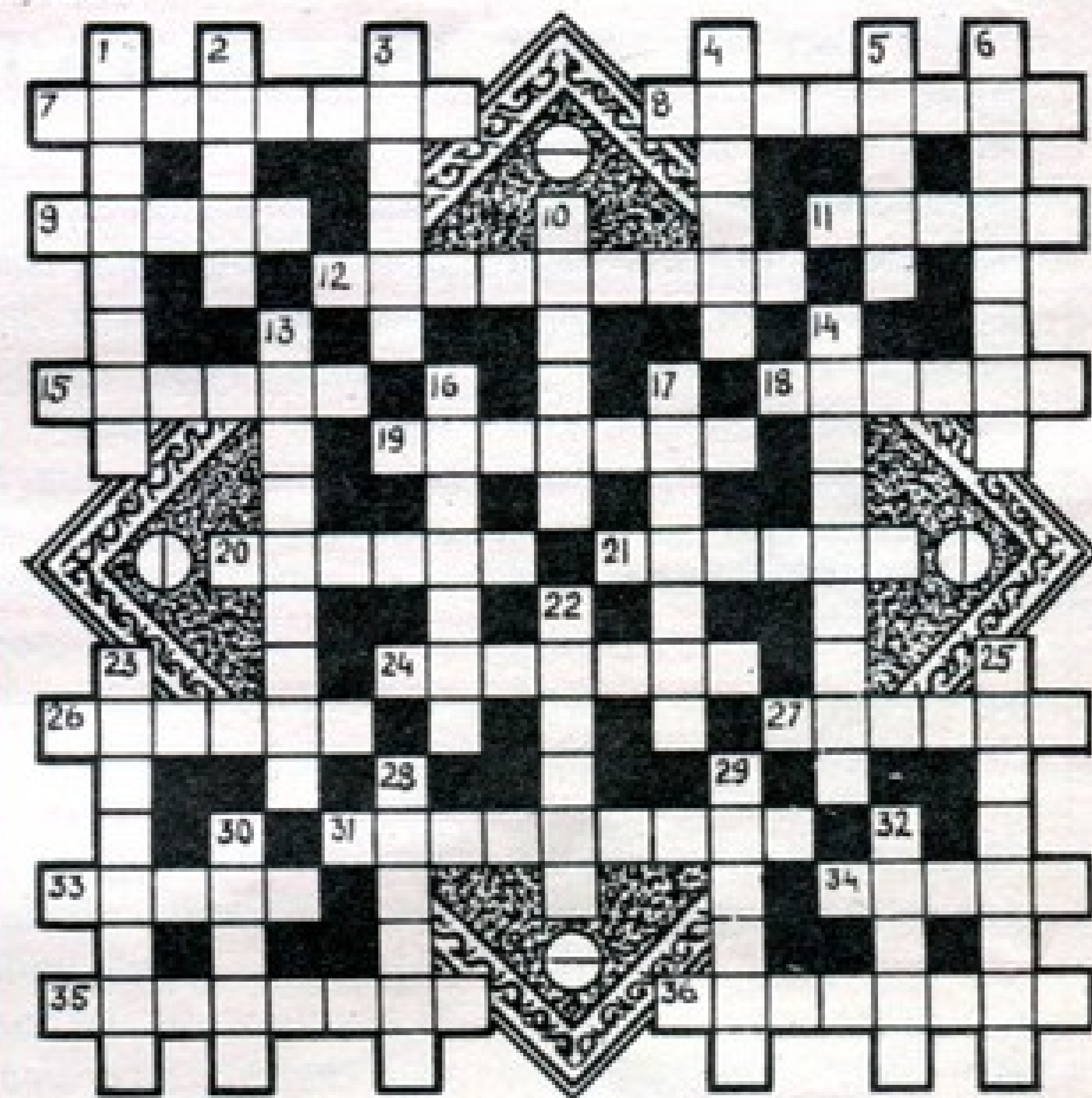
СХЕМА ИЗ КНИГИ Д. М. ТАБЕЕВОЙ И Л. М. КЛИМЕНКО. УХОИГЛОТЕРАПИЯ. Казань, 1976 г.

АКТИВНЫЕ ТОЧКИ МОЧКИ УХА
1. Нижняя часть ротовой полости.
2. Верхняя часть ротовой полости.
3. Язык. 4. Верхняя челюсть.
5. Нижняя челюсть. 6. Глаз.
7. Внутреннее ухо. 8. Миндалины.
9. Щека. 10 и 11. Точки наркоза при экстракции зубов.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Полный набор каких-либо предметов, в совокупности составляющих что-то целое. 8. Автономная советская республика. 9. Высшее сословие феодалов в России. 11. Род мягкой крученой шерстяной пряжи. 12. Художник, изображающий животных. 15. Созвучие из двух или нескольких звуков одинаковой высоты. 18. Великий американский трагикомический актер, режиссер, сценарист. 19. Высокий женский голос. 20. Выдающаяся деятельница германского и международного рабочего движения. 21. Помолвка. 24. Моющее средство. 26. Крупная декоративная птица. 27. Русский изобретатель, создатель первого в мире гусеничного трактора. 31. Театральное представление без слов. 33. Часть конской сбруи. 34. Сельскохозяйственная машина. 35. Подразделение текста внутри главы, раздела, имеющее самостоятельное значение. 36. Статья на злободневную тему.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Народная артистка СССР, исполнительница главной роли в кинофильме «Три тополя на Плющихе». 2. Музыкально-драматическое произведение, предназначенное для исполнения в театре. 3. Особенности произношения, свойственные говорящему не на своем родном языке. 4. Город-герой. 5. Первый в мире ледокол, способный форсировать тяжелые льды. 6. Сочетание условий и обстоятельств. 10. Царица Грузии (1184—1207). 13. Поэма А. А. Блока. 14. Овощ, который называют «вторым хлебом». 16. Широкополая мужская шляпа, модная в начале XIX века (вспомните: такие носил Евгений Онегин). 17. Героиня поэмы С. А. Есенина. 22. Заключительная часть литературного произведения. 23. Наиболее высокая горная вершина Урала. 25. Народное творчество. 28. Знаменитая советская трактористка. 29. Талисман, охраняющий его владельца от бедствий. 30. Французский поэт, лауреат Международной премии Мира. 32. Один из центров народной русской миниатюрной живописи.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Заречная. 7. Андерсен. 8. Наровчатов. 11. Рифма. 12. «Таврия». 13. Эсхил. 16. Алигер. 17. «Цусима». 18. Азамат. 19. Катаев. 23. «Стоик». 24. Бовари. 25. Перро. 28. Болконская. 29. «Светлана». 30. Игнатъев.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Катерина». 2. «Анчар». 3. «Идиот». 4. Метелица. 6. Яровая. 7. Арамис. 9. Амфибрахий. 10. Мстиславец. 14. «Челкаш». 15. «Дункан». 18. Астахова. 20. Вересаев. 21. «Москва». 22. Кристи. 26. Коган. 27. Наина.

В который раз про любовь

ОН ПРИШЕЛ НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ

Как я попала в эту компанию? Гуляла с подружкой, подошли парни, пригласили в кино... Сначала все было нормально. Мы даже удивлялись, какая все-таки у нас хорошая компания. Мальчишки не курят, не пьют, с ними есть о чем поговорить. В драки не лезут, в рестораны не ходят, девчонок не портят. Все вроде бы прекрасно, но со временем я стала замечать, что не всегда они такие. Иногда бывали словно возбужденные чем-то, нервные. Сначала это было незаметно, а потом стало проявляться все чаще и чаще. И однажды все раскрылось: оказалось, они наркоманы. Не помню, как получилось, но мы тоже с подружкой попробовали раз, другой и... Не знаю, какими наркотиками они, а потом и мы пользовались, на нашем языке это называлось «травка» или «снадобье». Когда я поняла, что втянулась, несколько раз пыталась бросить, но... начинала кружиться голова, меня знобило, я даже теряла сознание от боли. И снова хваталась за шприц.

Все деньги, что я смогла накопить, спустила на «травку», в долг никто не хотел давать. Две недели я не кололась и уже не находила себе места. Свет стал не

мил, я все чаще теряла сознание. И решила: взяла веревку, пошла в лес. Я давно бы уже была на том свете, если бы не он... Когда я очнулась, было уже темно. Как он меня вынул из петли, как откачал — не знаю. Никогда об этом не спрашивала. Когда я открыла глаза, увидела над собой его улыбающееся лицо. Он спросил: «Нигде не болит?» Потом проводил меня домой и сказал, что зайдет навестить.

Он пришел на следующий день к вечеру. Ни о чем не расспрашивал, а я боялась рассказывать. С тех пор мы стали встречаться почти каждый день. Однажды он мне сказал: «Тебе надо лечиться. У меня есть кое-что на примете». Он договорился с врачом, я стала ходить на лечение. Через два месяца почувствовала себя заново рожденной. Он тоже был счастлив. Он радовался каждому моему успеху, очень переживал за меня... А я просто не могла прожить без него и дня.

Сейчас у нас растет сын. Живем у его родителей. Я учусь в медучилище, получаю стипендию. Сынишка уже начал ходить. Мы счастливы. Мой муж совсем не из «рыцарей», которых ждут девчонки. Он не говорил мне красивых слов, не дарил каждый день цветы. Но он подарил мне жизнь.

Катя В.,
Ивановская область.

НЕ НАХОЖУ СЕБЕ МЕСТА

Опять я не нахожу себе места. Все мысли о ней, о моей любимой. Побывать с ней хотя бы пять минут для меня безграничное счастье.

Меня зовут Виктор. Мне больше 45 лет. По характеру я человек общительный и веселый, хотя в жизни пришлось хлебнуть немало. Отец погиб в войну, а семья была большая. Нас воспитала мама, и всем хорошим в нас мы обязаны ей. Отслужил в армии, окончил институт. Как у Высоцкого в песне, «я вышел ростом и лицом», нравился девушкам. Но меня ни одна не захватывала. Надя вошла в мою жизнь как-то сразу. С первых встреч полное взаимопонимание. Поженились. Живем в мире и согласии. Воспитываем троих детей. Все шло у нас размеренно и гладко. Друзья и знакомые считали нас идеальной парой. К женщинам всегда относился с большим уважением: как же им, бедняжкам, достается, сколько терпения и сил надо, чтобы быть «тягловой лошадей» и при этом оставаться Женщиной! Я смотрел на них с сочувствием и пониманием. В том числе и на Тамару.

Мы работаем вместе не первый год, и я не переставал изумляться ее выдержке, неизменной доброте и человечности в отношениях с сослуживцами. Но и только. Я считал, что у меня есть Надя и сердце мое на замке. До сих пор гадаю, когда и почему так получилось, что вдруг вошла в мою душу эта любовь. Сначала ее огонек был маленький и робкий, но с каждым днем разгорался все жарче и силь-

нее. Лет шесть назад я неожиданно для себя обнаружил, что постоянно думаю о Тамаре: слышу ее голос, вижу ее глаза, руки, волосы, все-все... Господи, говорил я себе, ты с ума сошел, ведь тебе сорок один год, у тебя семья, дети. Но мысли о ней прогнать не удавалось.

Более четырех лет носил я в себе эту тайну. Но в один майский день — я всю жизнь его помню — буду — получилось так, что мы остались одни. И я не смог сдержать свои чувства. Тамара пыталась как-то образумить меня, все время напоминала о наших семьях. Но я знал, чувствовал, что любим... Только теперь я понял, что такое любовь. Но почему, почему так поздно! Наши встречи были редкими, а время летело так быстро! Мы словно находились в другом измерении, мы были счастливы пронзительно и горько, ведь надо было возвращаться в реальную жизнь.

Мне под шестьдесят, жене было бы столько же. Прожили вместе тридцать лет. Я жил барин, она — слугой. Даже в дни болезни ей приходилось все делать самой. Я не помогал. Она работала, воспитывала дочь, мыла, стирала, сама обрабатывала огород, сама закручивала компоты и варила варенье. Последние годы у жены появились гипертония, стенокардия, вспухли на ногах вены, но она работала, хоть и была на пенсии. Я стал придираться к ней еще больше, без всякой причины. Иногда и руку прикладывал, надолго уходил из дома. Среди знакомых мужчин и женщин я рассказывал о жене басни, на ходу выдумывая и поднимая ее на смех (ви-

РАСПЛАТА

димо, мне это надо было для оправдания своих поступков). А в ответ слышал: «Как ты с ней только живешь?» Эти слова еще больше воспалялись. Я распоясался до того, что позволял своим любовницам звонить домой и оскорблять ее. Всему есть предел. Жена не выдержала. Умерла. Дочь от меня отвернулась. Я женился на молодой. Уже через два месяца она стала называть меня старым козлом, говорила: навязался на мою шею, хоть бы сдох скорей. Теперь уже я все делал по дому. Но этого было мало. В собственной квартире я оказался лишним.

А однажды, придя домой неожиданно, застал у нее мужчину... Сердце не выдержало. Инфаркт.

Ни дочь, ни молодая жена в больнице у меня ни разу не были... Я понял: пришла расплата. Я пожинал то, что посеял. Только теперь я оценил то счастье, которого не сберег и которое сам разрушал по крупицам долгие годы. Сколько я проживу, не знаю, но хочу хоть своим поздним раскаянием искупить свою вину перед той, которой уже нет. И хочу сказать мужчинам (особенно приближающимся к старости): берегите своих жен! В них наше счастье, наша спокойная старость, наша жизнь.

СЕМЕНОВ,
Московская область.

Тамара хорошо знала мою семью. Надю, детей. Она сказала, что не может строить свое счастье

на их несчастье. Что я мог возразить? Сам не однажды наблюдал, как родители, устраивая свою лич-

ную жизнь, калечили судьбы детей. Я своих ребят предать не могу. Они не виноваты, что их папа еще

влюбляется.

Мы прекратили встречаться. Не только ради детей, но и потому, что жить двойной жизнью было невыносимо. Нас все время давило предательство по отношению к своим «половинам». Но как же трудно вернуться к старому! Моя жена просто поражена происшедшими во мне переменами. Однажды после ее участливых вопросов: «Витя, да что с тобой?» — я ответил: «Влюбился!» Она обиделась: «Я серьезно, а ты...» Господи, знала бы она, насколько это серьезно!

Сейчас мне свет не мил. Мне очень больно. Я мучаюсь этой болью и в то же время испытываю наслаждение. Я благодарен судьбе, что она одарила меня высочайшим чувством любви, которое не каждому отпускается. И я жалею тех людей, которые не испытали его. Не знаю, что будет дальше, как поступлю, но знаю одно: Тамара постоянно во мне, я чувствую, ощу-

щаю ее каждую минуту. Я шепчу ее имя, мне все время хочется бежать, лететь к ней. Мне кажется, что всю свою жизнь я шел только к ней — не транжирил, не расплял свои чувства, аккумулировал свою теплоту, ласку, нежность, чтобы все разом отдать ей, моей любимой, моей родной. Я счастлив тем, что она есть. Пусть теперь далекая, хоть и живет на соседней улице, но бесконечно желанная. Я не сказал вам, она и внешне приятная, хотя, наверно, и не красавица. Но, честное слово, я любил ее за доброту и сердечность. Для меня она самая лучшая, самая красивая в мире. Несмотря ни на что и вопреки всему, я люблю и любим. В ней одной моя радость и моя грусть, и я... я не нахожу себе места.

С., Тюменская область.

Снимок прислал на наш фотоконкурс А. МАТВЕЕВ.

ПОМНИТЕ? ДВЕ РОДИНКИ НА ЛИЦЕ...

В 5-м номере нашего журнала за 1989 год было опубликовано письмо Л. Николаевой «Две родинки на лице». В нем рассказывалось об истории одной короткой фронтовой любви. Автор письма — Л. Николаева, ныне мать шестерых детей и бабушка 18 внуков, — вспоминала раненого солдата Ивана Брошевицкого, ее первую любовь и отца ее первого ребенка. «Не смею надеяться, но вдруг кто-нибудь что-нибудь знает о Ване?» — так кончалось ее письмо. Обратного адреса, к сожалению, не было. Это и понятно: поделилась женщина сокровенным без надежды на отклик. Но отклик пришел! Совершенно неожиданный...

«Прочитала письмо-исповедь Л. Николаевой «Две родинки на лице» и всю ночь не спала, нахлынули воспоминания. Возможно, Л. Николаева пишет про моего папу Ивана Брошевицкого. Возможно, ее сын Володя — мой брат? Разночтения в фа-

милиии могут быть случайной ошибкой памяти, а по жизненным фактам все сходится. Прочитав только до половины ее исповедь, я уже была уверена, что речь идет о моем отце! Не знаю, тяжело или радостно будет узнать женщине, что любимый человек, отец ее сына, не погиб, остался жив, хоть и испытал сполна лихолетье военных лет. Но он не нашел свою первую любовь, не вернулся к ней... Не будем об этом судить строго. Давайте сначала найдем друг друга. Дорогая Л. Николаева, если он — это он, а вы — это вы, то знайте, он помнил о вас всю жизнь...

Лидия БРОШЕВИЦКАЯ,

Николаевская область, пгт. Ольшанское, ул. Ленина, 8, кв. 28».

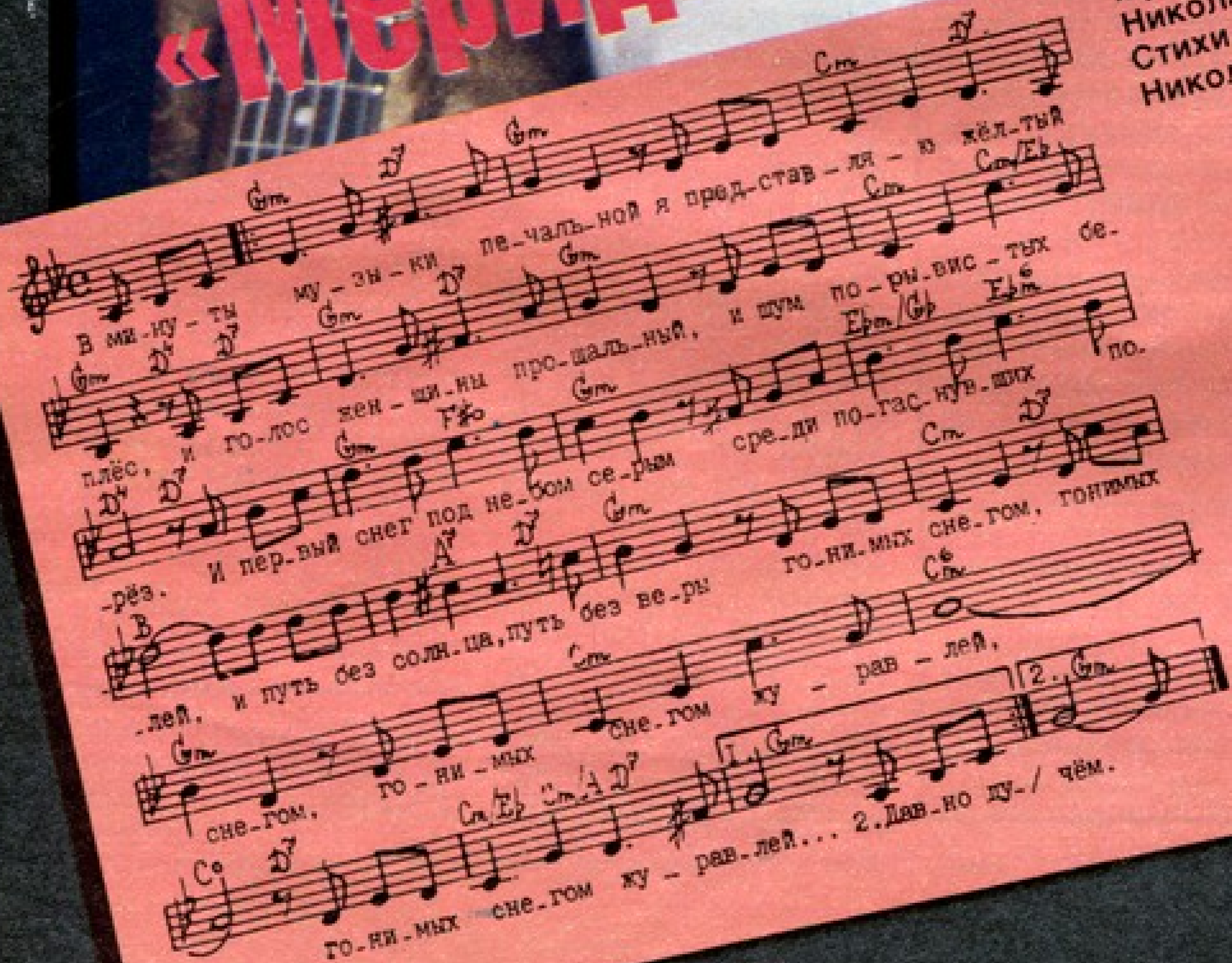
Редакция просит Л. Николаеву и Л. Брошевицкую написать нам, удалось ли им найти друг друга и встретиться.

По версии
происсе

Трио «Меридиан»

Музыка
Николая Сметанина.
Стихи
Николая Рубцова.

НА ЯСНЫЙ ОГОНЬ

По профессиональ-
ному счёту этому
творческому союзу 10
лет. Но сами артисты
ведут родословную

«Меридиана» с 1975
года, когда впервые
в самостоятельном
концерте на сцену
Дома культуры в Ива-

нове поднялись инженер Надежда Лукашевич, преподаватель математики Николай Сметанин и студент Владимир Ситанов. Я познакомился с ними немного позже, но хорошо помню — как бы это точнее выразить?.. — воинствующую неэффективность каждого их появления перед зрителем. Это особенно бросалось в глаза на фоне уже набравших в те времена силу, напичканных техникой ВИА или ряженых с купеческим размахом псевдонародных хоров. Скромные — из домашнего, что получше, — костюмы, сдержанные движения, две простые гитары... Но я хорошо помню и то, как чутко внимал зал их гармоническому трехголосью, как напряженно вслушивался в слова Шекспира, Тагора и Лорки (с самого начала и по сей день «Меридиан» включает в свой репертуар только истинную поэзию), как сопереживал исповеди милосердия, порядочности и любви.

Нет, «Меридиан» не сразу стал явлением эстрадного искусства. Поклонникам нынешнего трио, возможно, трудно поверить, но это было: записав и прослушав одну из первых своих репетиций на одолженном у кого-то магнитофоне, ребята... в ужасе

разбежались в разные стороны, не могли даже видеть друг друга! Но явлением духовной жизни текстильного края второй половины 70-х, символом неприятия всяческой фальши, сиюминутности, политической конъюнктуры «Меридиан» стал сразу. Свообразным манифестом трио стала песня Булата Окуджавы «На ясный огонь», песня-размышление о пути, единственно достойном человека.

И вот уже десять лет они на эстраде. Премия Ленинского комсомола. Победа на Всесоюзном конкурсе исполнителей советской песни... Признаться, я шел на юбилейный концерт со сложным чувством. Мы давно не виделись — «Меридиан» редко выступает в столице. И хотя по радио и телевидению регулярно звучали их песни, хотя на «Мелодии» уже выпустили два альбома пластинок, все же я невольно ловил себя на мысли: кто они сегодня, мои давние ивановские друзья? Что поют? Что исповедуют?.. Скажу сразу — тревоги оказались пустыми. Да, как и для всяких думающих людей, эти бурные годы стали для Надежды Лукашевич, Николая Сметанина и Владимира Ситанова периодом духовно-

го самоопределения. И «Меридиан» вновь сумел сохранить верность вечным общечеловеческим ценностям.

— Рухнули многие устои в политике, в нравственности, в повседневной жизни, — говорит Надежда. — Помнишь? «Мой конь притомился, стоптались мои башмаки. Куда же мне ехать, скажите вы, будьте добры...» Без ясного огня люди не могут. Вместе со слушателем мы ищем новые точки опоры, которые есть в душе каждого человека.

Трио много гастролирует по стране. Их знает и ждет свой зритель, равнодушный не только к мелодической, но и к поэтической основе песни. И вновь со сцены звучат композиции на стихи Беранже и Лорки, Цветаевой и Заболоцкого, Вознесенского и Евтушенко. И вновь покоряет зал музыка Шуберта, Таривердиева, Рыбникова, Окуджавы и самого Николая Сметанина. И вновь мы убеждаемся: для того, чтобы быть современным, вовсе не обязательно поспешать за капризной модой. Нужно быть просто честным и на сцене, и в жизни. Просто честным...

В. ФЕДЯКИН

Фото Е. МАТВЕЕВА.

В МИНУТЫ МУЗЫКИ

*В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез.
И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом, гонимых снегом,
Гонимых снегом журавлей,
Гонимых снегом журавлей...*

*Давно душа блуждать устала
В чужой любви, в чужом хмелю.
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.*

*Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови —
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о желтом плесе,
О желтом плесе, о любви,
О желтом плесе, о любви.*

*И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистый берез.
Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите, не говорите,
Не говорите ни о чем,
Не говорите ни о чем.*

Крестьянка

НОЯБРЬ 1989 г.

МОСКВА.
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА».

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА.

Редакционная коллегия:

Н. И. ГОРШКОВА,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
Т. М. КОСТЫГОВА
(ответственный секретарь),
А. В. КУПРИЯНОВА
(заместитель главного редактора),
И. В. НОРКИНА,
А. А. ПИМЕНОВА,
М. Д. ПИРАДОВА,
М. Б. РЫЖИКОВ,
Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
С. И. ВОРОНЦОВА.
Художественный редактор
Е. Г. НОВИКОВА.
Номер оформлен
с участием М. В. СТАРЦЕВОЙ.

Сдано в набор 14.09.89. Подписано
к печати 27.09.89. А 00368. Формат
бумаги 60 × 90¹/₂. Бумага книжно-
журнальная. Глубокая печать.
Усл. п. л. 6,00. Усл. кр.-отт. 21,00.
Уч.-изд. л. 8,56. Тираж 20 885 000
экз. (1—16 615 197 экз.). Зак.
№ 1088. Цена 25 коп.

Адрес редакции: 101460, ГСП-4,
Москва, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79,
212-12-39.

Присланные рукописи, фотогра-
фии и рисунки редакция не воз-
вращает.

Во всех случаях обнаружения по-
лиграфического брака редакция
просит обращаться в ОТК типо-
графии, печатающей журнал.

Ордена Ленина и ордена Октябрь-
ской Революции типография име-
ни В. И. Ленина издательства
ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки —
фотоэтиюд В. ЧЕЙШВИЛИ
«Осень».

Зеркало

АЛЬБРЕХТ ДЮРЕР. Богородица с Христом и святой Анной. 1519 г.
Метрополитен-музей, Нью-Йорк, США.

Не имея возможности судить о наивысшей красоте живых созданий, мы все же находим в видимых существах столько прекрасного, что это превосходит наш разум, и ни один из нас не может в совершенстве перенести все это в свое произведение. Так обнаруживаются в новых творениях тайно накопленные сокровища сердца...

Альбрехт ДЮРЕР